

Тверской государственный объединенный музей
Музей Калининского фронта

КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ТРИ ТЯЖЕЛЫХ ГОДА – 75 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Материалы Круглого стола
в Музее Калининского фронта

Тверь, 2020 г.

Герасимова, С.А.

Калининская область в годы Великой Отечественной войны: три тяжелых года – 75 лет изучения. Материалы Круглого стола в Музее Калининского фронта. 2019 год / С.А. Герасимова.

2020 год – год 75-летия Победы над фашизмом. В материалах Круглого стола, посвященного этому событию, рассмотрены итоги профессионального изучения истории Тверского края 1941—1945 годов за прошедшее после войны время, названы темы, оказавшиеся вне поля зрения историков, определены перспективы дальнейшего исследования проблемы. Эта информация может быть интересна не только историкам-профессионалам, архивистам, любителям военной истории, учителям, старшеклассникам, студентам.

Круглый стол «Калининская область в годы Великой Отечественной войны: три тяжелых года – 75 лет изучения» был организован Тверским государственным объединенным музеем (ТГОМ) с целью подведения определенных итогов за прошедшие после войны годы. Перед его участниками стояли различные задачи:

- выяснения степени изученности различных проблем военной истории края (1941—1945 годов),
- выявления вопросов, оказавшихся вне поля зрения исследователей,
- определения перспектив дальнейшего исследования данной темы.

Определение степени изученности военной истории края имеет для ТГОМ практическое значение. В 2020-м исполняется 15 лет существующей экспозиции Музея Калининского фронта, что говорит о её определенной физической и информационной «усталости». Необходима некоторая реновация экспозиции: включение в отдельные экспозиционные комплексы новых материалов, дизайнерские поправки. Кроме того, Тверской музей – головной музей объединения – готовит новую экспозицию, где будет раздел и по истории края в годы войны. Все это требует современной научной базы, так как любая экспозиция базируется на последних достижениях исторических исследований.

Изучение истории Великой Отечественной войны, в том числе истории края в этот период, началось ещё в ходе ведения боевых действий. Одной из самых первых книг по этой тематике стала работа профессора Калининского педагогического института А.Н. Вершинского «Бои за город Калинин», вышедшая в 1945 году. За годы, прошедшие после завершения войны, тверскими исследователями: профессиональными учеными, архивистами, музейщиками, ветеранами войны, любителями военной истории, журналистами, краеведами изучены многие события военного времени, освещены многие вопросы военной истории Тверского края. За эти годы появились многочисленные издания разного типа по разным направлениям истории края 1941—1945 годов. Анализ литературы, вышедшей в последние десятилетия, показывает преобладающее внимание к этой теме любителей, но не профессиональных историков. Поэтому ТГОМ посчитал

необходимым пригласить на круглый стол именно профессиональных ученых, которые так или иначе в своей работе затрагивают или затрагивали те или иные стороны военной истории Тверского края 1941—1945 годов. Приходится констатировать немногочисленность этой группы профессионалов в отличие от большого числа желающих писать о событиях Великой Отечественной войны. Но профессионалы отличаются от любителей, прежде всего, знаниями источников и историографии по своим темам, владением методикой исторического исследования, умением определить проблему, систематизировать и обобщить имеющийся материал и т.д. Именно поэтому для достижения целей Круглого стола ТГОМ обратился к профессионалам, отказавшись от приглашения любителей-специалистов по отдельным вопросам и расширил хронологические рамки заявленной темы. Практически все тверские и московские профессиональные историки, за небольшим исключением, в сферу интересов которых входят отдельные проблемы тверской военной истории 1941—1945 годов, присутствовали на Круглом столе в Музее Калининского фронта 14 марта 2020 г. Каждому из профессионалов-участников было предложено выступить в рамках поставленных целей по проблемам, которыми они занимаются:

Фоменко М.В., доцент кафедры стратегических коммуникаций факультета государственного управления Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова, кандидат исторических наук. (Москва). *Боевые действия на территории области.*

Суворов В.П., доцент кафедры гуманитарных наук Тверской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук. *Историография партизанского и подпольного движения в Калининской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.).*

Сипейкин А.В., доцент кафедры Отечественной истории Тверского государственного университета, кандидат исторических наук. *Власть и идеология в годы войны (региональный аспект).*

Воробьев В.М., профессор кафедры гуманитарных наук и дизайна Филиала Российского государственного университета

им. А.Н. Косыгина в г. Твери, доктор культурологии. *Состояние изучения региональной военной биографики (заочное участие).*

Болокина Л.А., доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью Тверского государственного технического университета, кандидат исторических наук. *Население области в годы войны.*

Ермолов И.Г., доцент Религиозной образовательной организации высшего образования «Московская семинария евангельских христиан», кандидат исторических наук (Москва). *Коллаборационизм на территории области.*

Леонтьева О.Г., доцент кафедры архивоведения, историографии и документоведения Тверского государственного университета, кандидат исторических наук. *Военная история края (1941—1945 годы) как объект внимания молодых исследователей.*

На круглом столе также присутствовали слушатели – историки, музейщики, библиотекари, краеведы, любители военной истории, учителя истории, старшеклассники тверских школ.

Участников и слушателей Круглого стола приветствовали генеральный директор ТГОМ И.А. Репина и заместитель генерального директора по научной работе Е.В. Вартанова. Ведущая Круглого стола – С.А. Герасимова, главный научный сотрудник ТГОМ, кандидат исторических наук

Материалы Круглого стола подготовлены на основе аудиозаписи и письменных текстов выступлений отдельных участников с небольшой научной редакцией и технической корректурой.

Мнение отдельных участников может не совпадать с мнением организаторов Круглого стола.

Фоменко М.В., доцент кафедры стратегических коммуникаций факультета государственного управления Московского государственного университета им.В.Ломоносова, кандидат исторических наук. *Боевые действия на территории области.*

– Постараюсь обозначить несколько общих проблем, которые мне кажутся достаточно актуальными в связи с изучением истории боевых действий на территории Тверской области.

Первую проблему можно условно назвать методологической или терминологической. Эта проблема связана с тем, что описание боевых действий в нашем регионе, как и в любом другом регионе, который затронула Великая Отечественная война, упирается в некие рамки, которые были заданы достаточно давно. В частности, это – название операций. Так сложилось, что устоявшиеся названия зачастую попросту определяли реальные достижения Красной армии, которые были совершены в ходе операции. Яркий пример, Гумбиннен-Гольдапская операция. Советские войска вошли в Восточную Пруссию и дошли до населенных пунктов Гумбиннен и Гольдап. Поскольку дальше продвинуться не смогли, операция впоследствии была названа Гумбиннен-Гольдапской. Меня всегда в данном контексте интересовал термин «Калининская оборонительная операция». Если мы посмотрим на те реальные приказы, которые получали войска Красной армии, Калининского фронта 16 и 18 октября 1941 года, подписанные И.С. Коневым, которые я в своей книге анализирую, то там вообще нет оборонительных задач, все задачи наступательные. Главная задача – это окружение калининской группировки вермахта и ее уничтожение. При том, что в калининскую группировку входили 1-я танковая дивизия, 36-я моторизованная дивизия, часть 6-й танковой дивизии, 900-я моторизованная учебная бригада, то есть очень хорошо подготовленные соединения, с огромным боевым опытом. Приказывалось их окружить и уничтожить. Это оборонительная задача? Конечно, нет! Это наступательная задача. И на протяжении всей третьей декады октября 1941 года, за исключением купирования локального прорыва на Торжок, все действия Красной армии в районе Калинина – это наступательные действия. В советской литературе

есть утверждение, что на Московском шоссе 5-я стрелковая дивизия сдерживала наступление на Москву, хотя у немцев реально в октябре наступать имевшимися силами на Москву не было физической возможности. Да и приказы немцы получали не наступательные, а оборонительные. Так, приказ по группе армий «Центр» от 23 октября 1941 года четко требовал удержания города Калинина. То есть, никакого-то мифического наступления на Москву теми силами не было. У 41-го моторизованного корпуса не было на тот момент горючего, чтобы наступать на Москву. Для того чтобы его танки смогли доехать от Старицы до Калинина, 1-й танковой дивизии, горючее доставлялось самолетами на Старицкий аэродром. Также прорыв майора доктора Экингера на Торжок с 1-м батальоном 113-го моторизованного пехотного полка был прорывом одного батальона при поддержке 1-й танковой роты, потому что для большего просто не хватало горючего.

Вторая проблема: в наших современных исследованиях противник часто изображается неточно, с искажениями. Такая практика пошла из документов. Понятно, что, например, работникам штаба 31-й армии вполне было простительно называть прорвавшиеся части 251-й пехотной дивизии 13 декабря 1941 года, которые нарушили все наступательные планы 31-й армии, ротами автоматчиков. Но мы сейчас уже хорошо знаем немецкие документы. Не было никаких рот автоматчиков у немцев. На сайте eВау появился очередной, «выброшенный» в продажу альбом 427-го пехотного полка 129-й пехотной дивизии вермахта, где представлены фотографии немецких штурмовых групп. Штурмовые группы идут в первой линии, берут штурмом доты, дзоты, уничтожают их. Все они на фотографиях вооружены винтовками, ни одного автоматчика. Вероятно, ротами автоматчиков их называли потому, что каждое немецкое отделение формировалось вокруг пулемета. Было много автоматического огня, в результате чего у советских бойцов складывалось впечатление, что на них наступает масса автоматчиков. Им это было простительно, советским бойцам, мы поклонимся им в пояс, они сделали все возможное, чтобы мы вообще тут собрались. Но нам сейчас, в 2020 году, писать о каких-то немецких «ротах автоматчиков» вообще моветон.

Ещё один пример незнания немецких источников: до сих пор встречающаяся в соцсетях дискуссия (хотя это, конечно, не историография): кто взорвал Волжский мост, когда он был взорван? Но всё уже есть в немецких документах, которые доступны, их можно сейчас найти в Интернете! Когда мне в 2017 году издательство «Яуза» предложило написать книгу о сражении за Калинин, я сел за компьютер и буквально за несколько часов нашел на англо- и немецкоязычных форумах несколько «роликов» NARA: 1-й и 6-й танковых дивизий, 3-й танковой группы, 9-й полевой армии.

Незнание документов противника – это проблема серьезная. Я не говорю, что это проблема изучения боевых действий только на территории Калининской области, это общая проблема. То есть, зачастую, наши войска сражаются в каком-то вакууме. Читаешь и думаешь: «А где же противник? Что он думал, что он планировал?» Отсюда и представления о том, что, например, в Затверечье наши войска сорвали немецкое наступление на Бежецк. Хотя никакие немецкие планы такого рода в их документах не отражены, кроме упоминаний о «разведке в направлении Бежецка». У немцев были, конечно, наступательные планы, во-первых, они касались наступления в сторону Торжка, то есть окружения части сил Западного и Северо-Западного фронтов, соединения с 16-й полевой армией группы армий «Север». Но наступления на Москву в этот конкретный промежуток, я имею в виду до середины ноября 1941-го года, немцы просто не выдержали бы.

Ещё один важный вопрос – это взаимодействие в военно-исторической сфере историков-профессионалов и исследователей-любителей. Мне вспоминается по Ржеву пример Алексея Волкова, который 20 лет работает в архивах. Он не профессионал-историк, но, во-первых, он обладает гигантской коллекцией немецких документов по Ржеву, хотя пока ничего он масштабного не написал. Во-вторых, я с интересом слушаю его лекции и вижу, как он разбирает каждый конкретный бой, вплоть до того, что он там номера немецких танков нашел, с экипажами, которые, например, участвовали в попытке ликвидации плацдарма в Знаменском. Мне кажется, что надо проложить мост между профессионалами и такими любителями. Потому что у этих любителей собрана большая источни-

ковая база. Когда люди «роют» до такой степени, что находят номера танков, это очень важно, на мой взгляд, потому что вызывает большой интерес у аудитории. В охвате аудитории они часто превосходят профессиональных историков. И с такими любителями надо иметь дело. Может быть, надо этих любителей подтолкнуть к тому, чтобы они что-то написали. Потом это можно отредактировать с привлечением людей, способных помочь выстроить научно-справочный аппарат. Я считаю, что знания любителей не надо прятать от людей. Поисковики же рано или поздно тоже кончатся, все люди смертны. И получается, вот это колоссальное знание по конкретным тактическим эпизодам пропадет, и не будет никому нужно. А люди должны это знать, это наши герои, и они победили этих «экингеров». И про «экингеров», про немцев, которых победили, надо знать, потому что это были хорошие «вояки». Это была лучшая сухопутная армия того периода, с ней было очень тяжело воевать, но тем не менее, она была побеждена. А у нас до сих пор, такое впечатление, что был какой-то безликий противник.

Конечно, исследования нужно продолжать. Сейчас для этого созданы прекрасные возможности. Например, есть скептическое отношение к сайту Министерства обороны «Память народа». Сайт известный. Так вот, скептическое отношение историков к этому сайту я совершенно не разделяю. Говорят, что там только ЖБД (журналы боевых действий) лежат, а они являются вторичными документами. В реальности же там сейчас выложено огромное количество оперативной документации. Нужно просто напрячься, чтобы что-то поискать. Я находил и оперативные сводки за каждый день практически по всем дивизиям Калининского фронта, и боевые донесения. У меня не всегда есть возможность съездить в ЦАМО. Сайт «Память народа» в этом плане очень хорошо помогает, великолепное качество сканирования абсолютно бесплатно. В мире нет такого нигде, чтобы такой объем документов был выложен на таком качественном уровне совершенно бесплатно. Американцы продают свои ролики, во Фрайбург надо ехать и лично там работать. Есть ещё один сайт: ресурс российско-германского проекта по оцифровке документов – 500-й фонд ЦАМО. Спасибо огромное создателям сайта! Трофейные немецкие

документы, которые можно сейчас спокойно читать. Там есть документы и по Ржеву. Этими ресурсами надо активно пользоваться, нужно быть в этом плане современным. Но для этого надо знать, в том числе, иностранные языки. Если мы изучаем битву двух армий, надо знать язык противоположной армии.

Вопрос: – В литературе существует точка зрения, что бои на Ржевско-Вяземском выступе были частью стратегической игры. Германия утверждала, что будет операция «Кремль» – отвлекающая, и мы держали здесь большую часть резервов, проводя частные операции. У немецкого командования тоже была информация по операции «Марс». Как Вы относитесь к этой версии, как к конспирологической?

Фоменко М.В.: – Безусловно, эта версия конспирологическая, она была придумана Судоплатовым еще в девяностые годы XX века, и ни на какой документальной базе она не основывалась. Операция «Марс» – это самостоятельная операция по своей сути. Объективно любое сражение на любом участке оттягивает силы от другого участка. Конечно, если бы дивизия «Великая Германия» не осталась бы в тот момент подо Ржевом, а уехала по железной дороге под Сталинград, вполне возможно, что под Сталинградом имелся бы другой финал. Действительно, корпус Соломатина и прочие, кто героически сражался на ржевском направлении, сдерживали немецкие резервы, которые в ином случае поехали бы под Сталинград. Но, называть это отвлечением нельзя. Отвлечение – это специальная операция. Например, при взятии города-крепости Кюстрин была отвлекающая операция. На 12 лодках по речке Варта высадили небольшой десант пехоты, вот они отвлекли силы немцев. А когда используется мощнейшее механизированное соединение, элитное, по советским меркам, вряд ли это отвлечение. Обнародовано много документов, которые показывают самостоятельность операции «Марс»

Вопрос: – И.Г. Ермолов в книге «Три года без Сталина» пишет, что в 1812 году освободили страну буквально за

месяцы, а вот в Великую Отечественную войну мы сражались три года потому, что было очень сильное коллаборационистское движение. Как Вы к этому относитесь?

Фоменко М.В.: – Коллаборационистское движение в чисто военном плане не играло практически никакой роли. Коллаборационистские формирования были «хороши» при подавлении партизанского движения. В боях с регулярными частями Красной армии они мало что могли показать. Вспомните, что осталось от дивизии «Галичина» летом 1944 г. Разве можно сравнить немецкую пехоту, имевшую навыки самостоятельных штурмовых действий, боев с танками и каких-то коллаборационистов? Это несерьёзно.

Вопрос: – Непонятно, что Вы говорите: краеведы копают до номеров танков, а историки – нет? Почему?

Фоменко М.В.: – Я имел в виду поисковиков. Краевед – это скорее, публицистичное выражение, я считаю, что краеведом может работать человек просто по призванию. Это – вопрос интереса. Я сам заканчивал исторический факультет ТвГУ, могу назвать себя с оговорками профессиональным историком, хотя историю я давно не преподаю. Эта книга [имеется ввиду книга М. Фоменко «Сражение за Калинин» – прим.ред.] стала первым моим большим текстом лет за десять. Я уже сам стал любителем, в какой-то степени я потерял некоторые профессиональные навыки, которые приобрел в ходе обучения на историческом факультете и в аспирантуре, поэтому сам могу себя с некоторыми оговорками назвать «любителем». Здесь проблема интереса. У людей, которые копают до номеров танков, интереса иногда больше, чем у профессиональных историков. Люди ведь тоже профессионально выгорают. Профессиональный историк, может быть чем-то не удовлетворен в жизни, всякое может быть, ему надоедает это все. А другие люди сохраняют интерес и копают до последнего. Но это моё личное, субъективное впечатление, понятно, что всех уравнивать в этом плане нельзя.

Вопрос: – Как Вы относитесь к тому, что в Большой Российской энциклопедии, главном справочнике, теперь не найти статью «Ржевско-Вяземская операция», а все объединено в какую-то мифическую статью «Ржевские операции» Это переписывание истории? Там, слава Богу, нет Ржевской битвы.

Фоменко М.В.: – Будучи в декабре прошлого года (2019) на конференции Российского военно-исторического общества в Москве, я общался с видными отечественными историками, и даже между ними возник спор: была Ржевская битва, или нет. Здесь главная проблема в том, что мы «отрываем куски» – операции от Московской битвы или не «отрываем»? Были отдельные операции, довольно крупные, две Ржевско-Вяземские, две Ржевско-Сычевские (одна из них Гжатская). Наверное, надо каждую из них разбирать в отдельности. Но, если говорить о Ржевской битве, повторюсь, это – дискуссионная тема.

Вопрос: – Немцы пытались провести здесь три операции: «Виноградная лоза», «Голубятня», «Перелетная птица». Вы это нашли в Интернете? Вы знаете об этих операциях?

Фоменко М.В.: – Эти операции к Калининскому фронту отношения не имеют.

Вопрос: – В литературе указывают на ошибки И.С.Конева в период его командования Калининским фронтом. Насколько умело в период с октября по декабрь 1941 года Конев командовал фронтом?

Фоменко М.В.: – В 1941 году ошибались все, и Конев И.С. ничуть не выделяется из остальных. Была катастрофа Западного фронта, Вяземский котёл. Вопрос, кто бы мог тогда действовать лучше на его месте? Этот вопрос очень серьёзный и боюсь, что ответа на него мы не получим, это из области альтернативной истории. Что касается конкретных боевых действий октября-декабря 1941 года: да, конечно, там были ошибки. Но я опять

настаиваю на привлечении немецких документов. Яркий пример, создание 29-й армией плацдарма южнее реки Волги, в районе Некрасово, Даниловское. Немецкие документы свидетельствуют о том, что немцы были поражены тем, что русские там наступают. Они считали, что русские отступают от Калинина к Москве, а выяснилось, что русские наступают. Эти действия Конева И.С. оказались для немцев абсолютно неожиданными. Создание плацдарма для немцев было очень болезненной ситуацией. Здесь он переиграл немцев, смог преподнести им очень серьезный сюрприз. Для 1941 года переиграть в чем-то немцев было очень серьезно. В споре Конева И.С. и Масленникова И.И. о необходимости переправляться через Волгу, я на стороне Масленникова И.И., потому что его тяжелая артиллерия шла к Калинину, не форсируя Волгу. А при форсировании он наверняка бы потерял часть артиллерии. А ошибки, конечно, были.

Суворов В.П., доцент кафедры гуманитарных наук Тверской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук. *Историография партизанского и подпольного движения в Калининской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.)*.

– В изучении истории партизанского и подпольного движения в Калининской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.) профессиональными историками представляется возможным выделить несколько периодов.

Первый период: середина 1940-х – конец 1950-х гг. В этот период советскими историками, согласно установкам центрального и областного советского и партийного руководства, были заложены методологические основы изучения феномена партизанского движения. Это – всенародный характер партизанской борьбы, руководство движением со стороны ВКП(б), разнообразие форм и методов борьбы партизан, тесная связь партизанских действий с действиями Красной армии. Организация, становление и развертывание партизанского движения на временно оккупированных территориях СССР рассматривались лишь с точки зрения действия субъективного фактора. В целом, на этом этапе были сделаны

первые попытки обобщить опыт партизанской борьбы в Калининской области в свете предложенной методологии. Основные цели исследований этого периода – показать вклад калининских партизан в дело разгрома оккупантов, направить усилия народа на достижение конечной цели – победы над врагом. Здесь следует назвать работы таких известных профессиональных калининских историков как А.Н. Вершининский и З. Карпенко (Вершинский А.Н. Бои за город Калинин, 1945; Карпенко З. Под фашистским игом. Калинин, 1945).

В этот период несколько раз менялось территориальное устройство области, когда её западные районы, где было наиболее мощное партизанское движение в 1942—1944 годах, были включены в состав сначала Великолукской, а потом Псковской области. Это сужало поле деятельности собственно калининских историков и исследовательская инициатива переходила к историкам соседних областей. Тем не менее, в конце 1950-х годов в этом отношении намечались изменения. В 1959 году появляется первая публикация профессионального историка, бывшего комиссара 6-й калининской партизанской бригады Н.И. Макарова о жизни и деятельности партизан в западных районах Калининской области (Макаров Н. Партизанские были. Калинин, 1959).

В целом, этот этап в историографии партизанского движения является переходным к написанию более или менее полной картины партизанской борьбы на оккупированной территории Калининской области.

Второй период: конец 1950-х – начало 1990-х гг. В этот период вышли в свет многочисленные сборники документов и материалов по истории партизанского движения, а также большое количество мемуарной литературы. (Подвиги народных мстителей: Партизанское движение Калининской области (1941—1944 гг.): Документы и материалы. М., 1966; Терещатов В. 900 дней в тылу врага. Калинин, 1962; Марго В.И. Пылающий лес. Л., 1970; Народная война в тылу врага. К истории партизанского движения в Калининской области. М., 1971; Страницы народного подвига. Сб. документов и материалов. М., 1974; Юность Верхневолжья: Документы и материалы по истории Калининской областной организации ВЛКСМ (1918—1975 гг.) М., 1976 и др).

Массовым стало исследование частных аспектов партизанской борьбы, появились работы, посвящённые истории подпольного движения. В частности, в монографии Н.М. Макарова впервые были приведены данные о численности подпольного движения в Калининской области (Макаров Н.И. Непокорённая земля Российская. М, Политиздат, 1976). Интересна кандидатская диссертация военного историка Н.Ф. Азясского 1971 года. В ней присутствует историографический обзор с периодизацией изучаемой проблемы. По мнению Н.Ф. Азясского, главной причиной мощного партизанского движения стала жестокость оккупационного режима. Однако, по мнению автора, в основе сопротивления лежал советский патриотизм, тогда как бесчеловечность захватчиков сыграла лишь роль катализатора. В этот период также были предприняты попытки анализа некоторых составляющих сторон системы оккупационного режима на территории региона, таких как создание и деятельность карательных органов, системы экономической эксплуатации населения. В целом, в историографии конца 1950-х – середины 1980-х годов продолжались основные тенденции предыдущего периода, приводившие к шаблонности, выделению преимущественно положительных аспектов и итогов, утверждения о подчиненности государственной политике и идеологии, т.е. зависимости партизанского движения только от субъективного фактора, тенденциозность. Тем не менее, в исследованиях этого периода проявились и новые позитивные моменты: большая полнота исследований, введение историографических обзоров, попытки проанализировать влияние некоторых аспектов объективного фактора на партизанское движение. На наш взгляд, это был наиболее плодотворный период в изучении истории данной проблемы, сохраняющий актуальность до сегодняшних дней.

С начала 1990-х годов начинается третий, постсоветский, российский период изучения партизанского и подпольного движения, продолжающийся до сегодняшних дней. В этот период в научный оборот вводится множество новых, ранее закрытых и недоступных для исследователей документов. Распад СССР и кардинальное изменение общественного строя не могли не повлиять на методологию и проблематику проблемы.

В исследованиях четко обозначились четыре направления. Первое зародилось в предыдущие периоды: оно характеризуется уточнением отдельных эпизодов партизанской борьбы на основе привлечения нового круга источников. Здесь отметим кандидатскую диссертацию В.И. Ирлицина о деятельности калининских органов госбезопасности на начальном периоде Великой Отечественной войны (Ирлицин В.И. Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны, июнь 1941 – июль 1942 гг. На материалах Калининской области. Автореф. дис. канд. ист. наук. Тверь, 1998). Наряду с тверскими историками, продолжали изучение проблемы в этом направлении и псковские историки. Большую работу в тверских, псковских и центральных архивах проделал псковский историк Н. Никитенко, исследуя деятельность и судьбы командиров партизанских бригад Калининской области.

Исследователи второго направления – Л.А. Болокина, З.А.Фёдорова и А.В. Цветков (Болокина Л.А. Настроения и поведение населения Калининской области в начальный период Великой Отечественной войны // Автореф. дис. канд. ист. наук. Тверь, 2010; Фёдорова З.А. К изучению политических настроений населения Калининской области во время немецко-фашистской оккупации // Новый исторический вестник, 2014; Цветков А.В. Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны. Очерки по истории. Тверь, 2012). – разрабатывают как вопросы влияния общественного сознания населения оккупированной территории на ход партизанской войны, так и эффективности партизанской пропаганды на политическое настроение и поведение населения оккупированных районов области. Так, в кандидатской диссертации Л.А. Болокиной утверждается, что, несмотря на то, что осязаемый эффект от действий партизан проявился лишь в 1942 году, следует признать огромное моральное значение самого факта проявления группового и индивидуального сопротивления, наличия организованных отрядов для психологического состояния населения оккупированных районов. В сознании жителей присутствие где-то рядом людей, боровшихся с врагом, означало сохранение надежды на будущую победу. К тому же партизаны и подпольщики осуществляли крайне важную функцию, распро-

странья советские листовки, газеты, сводки, донося альтернативную информацию до населения в зоне мощного идеологического давления противника. Эту же тенденцию подтверждает и А.В. Цветков, по мнению которого эффективность партизанской пропаганды в отношении населения зависела от положения на советско-германском фронте.

Авторы третьего направления исследуют вопросы влияния изменения общественного бытия, которое произошло под воздействием оккупационного режима и различных видов и форм коллаборационизма, на ситуацию в оккупированных районах Калининской области и на эффективность подпольного и партизанского движения. Здесь также налицо привлечение новых архивных материалов, попытки объективного анализа влияния оккупационного режима на те, или иные стороны жизни и деятельности населения оккупированной территории Калининской области. Так, в 2007 году вышла книга военного историка В. Спириденкова (Спириденков В.А. Лесные солдаты. Партизанская война на Северо-Западе СССР. М., 2007), к заслугам которого отнесём анализ таких объективных факторов, как климатического, природно-географического и войне партизан с природой. Автор объективно указывает на трагедию мирного населения, оказавшегося между молотом партизан и наковальной нацистов, описывает реалии диверсионной войны. Но сенсационным видится сюжет автора о существовании в Братском партизанском крае, между Идрицей и Россонами, так называемой «Республики Россоно», состоящей из окруженцев и дезертиров из партизанских отрядов, с демократической формой правления, врагами которой были объявлены и немцы, и советская власть. При этом указание на источники о существовании такового образования отсутствуют. Этот сюжет стал кочевать в публикациях и в Интернете как достоверный.

Четвёртое направление – это публикации, в которых критическая оценка, отсутствие ссылок на опубликованные документы сопровождается претензиями на сенсационность и подтасовкой фактов. В них утверждается, что партизанское движение на временно оккупированной территории СССР было малоэффективным, централизованное руководство им практически отсутствовало,

действия партизан приносили больше вреда, чем пользы. Главная ответственность за появление различных форм коллаборационизма возлагается на политику советской власти и правящей партии. Авторы этого направления заимствуют тезисы западных историков периода «холодной войны», отрицающих всенародный характер партизанской борьбы, партийное руководство партизанским движением и его содержание сводят лишь к ответной реакции населения оккупированной территории на террор оккупационных властей. Цель подобных работ – опровергнуть ранее устоявшиеся взгляды на партизанское движение в СССР как всенародное, дискредитировать партизан в глазах широкой общественности, принизить подвиг советского народа в минувшей войне.

При характеристике влияния коллаборационистских формирований на партизанское движение сформировались две точки зрения тверских исследователей. Так, А.В. Цветков делает однозначный вывод, что коллаборационистские формирования были довольно многочисленными в этническом отношении, действовали жёстко против партизан, но, в целом, их результативность была очень низкой. Их усилия, даже при мощной поддержке немцев, не привели нигде в нашей области к полной ликвидации советского подполья и партизан.

Иной точки зрения придерживается И.Г. Ермолов (Ермолов И.Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941-1944 гг. // Автореф. дис. канд. ист. наук. Тверь, 2005; Он же. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941—1944. М., 2010). По его мнению, военно-политический коллаборационизм как в количественном, так и в национальном и социальном аспектах оказал большое влияние на ход войны. Причем, выступления советских граждан в союзе с агрессором приобрело довольно организованную, стройную форму. На путь борьбы против советского строя встали далеко не худшие кадры Красной армии, причем, их борьба подкреплялась идейной базой. Ермолов также говорит о некой «Республике Россоно» к востоку от Идрицы, в которую входили красноармейцы-окруженцы и дезертиры из партизанских и полицейских формирований, и даже немцы-дезертиры, состав-

ля 90% населения этой местности, то есть несколько десятков тысяч человек. Основой их существования было разграбление местного населения. Автор ссылается на некое зарубежное издание в Мюнхене 1954 года, а также на немецкий документ «Положение банд в Россонской зоне» от 20 октября 1943 года, в котором имеется в виду партизанский Братский край с Россонско-Освейской зоной. Из нее на немецких коммуникациях эффективно действовали калининские и белорусские партизанские бригады, отражая карательные экспедиции немцев и их пособников вплоть до освобождения Калининской области в июле 1944 года. Удивляет избирательный подход И. Ермолова к подлинным документам Штаба партизанского движения Калининской области (ТЦДНИ.Ф. 479). Чтобы обосновать свои негативные оценки деятельности партизан он дополнил текст своей книги публикацией двух документов, игнорируя другие материалы по вопросу.

Также И.Г. Ермолов привёл факт существования в г. Калинин в ноябре–декабре 1941 года довольно крупной организации под названием Российское национал-социалистическое движение (РНСД), но Пленум Верховного Суда СССР в апреле 1964 года не нашел таковой «крупной национал-социалистической организации» в г. Калинин.

И.Г. Ермолов проводит параллели между Отечественной войной 1812 года и Великой Отечественной войной 1941—1945 годов: если первая была сравнительно скоротечной из-за отсутствия массового коллаборационизма, то вторая на территории Калининской области продлилась до трёх лет. По мнению автора, коллаборационизм повлиял на ход войны не меньше, чем партизанское движение, то есть уравнивает народную партизанскую войну с предателями Родины.

В заключении отметим, что за более чем полувековую историю исследования партизанского и подпольного движения на оккупированной территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны в целом и, в частности, в историографии сложилась вполне определенная точка зрения на происходившие процессы. Были выделены четыре характерные черты партизан-

ского движения, уже названные выше: всенародный характер; руководство со стороны ВКП(б), советского правительства и военного командования; разнообразие форм и методов борьбы партизан; тесная связь партизанских действий с действиями Красной армии. На основе этих положений была выработана методология изучения партизанского движения, которая, в основном, сводилась к поиску новых фактов, подтверждающих имеющиеся постулаты. В тоже время, влияние объективного фактора на организацию, становление и развитие партизанского движения рассматривалось недостаточно, хотя некоторые авторы и пытались это сделать. Поэтому на первый план выходит необходимость новых диссертационных исследований и подготовки фундаментального издания к очередным юбилейным датам по истории партизанского и подпольного движения в Калининской области в годы Великой Отечественной войны.

Вопрос: – Есть ли современные серьезные исследовательские работы по партизанскому движению на территории Калининской области или его исследование осталось на уровне советского времени.

Суворов В.П.: – Современных фундаментальных исследований по партизанскому движению нет.

Вопрос: – Как Вы относитесь к работе Сиротина Е.С.?

Суворов В.П.: – Работа мне очень понравилась. Хотя у Сиротина техническое образование, у него фундаментальный подход к проблеме. Понравилась его периодизация, анализ истории бригады Литвиненко, корпуса, замечательная работа. Но все-таки это научно-популярное издание, нет научного аппарата, нет сносок, только список литературы.

Вопрос: – Можно согласиться с тем, что не стоит говорить о гражданской войне между партизанами и коллаборационистами на территории Калининской области. Как Вы

оцениваете роль коллаборационистов в борьбе с партизанами, и как она исследуется сейчас?

Суворов В.П.: – Следует обращаться к документам, к их верификации, не надо плодить мифы.

Вопрос: – По материалам ТЦДНИ создается впечатление, что все партизанские отряды возглавляли люди, связанные с НКВД. Во всех отчетах отрядов написаны блестящие данные: столько-то разгромили, столько-то убили. Насколько можно доверять этим отчетам? Оправданы ли сомнения в том, что цифры завышены?

Суворов В.П.: – Только 5 человек были из НКВД, большинство командиров – это бывшие командиры Красной армии. Что касается преувеличения, то они есть! Причем очень серьезные, и здесь опять возникает проблема верификации документов.

Фоменко М.В. – Необходимо сопоставление советских и немецких документов. Яркий пример – рейд 21-й танковой бригады. Написано о многих подбитых немецких танках. Но на пути бригады, по всей видимости, не было ни одного немецкого танка. Об эффективности работы подпольщиков Калининцы немцы также говорят в своих документах. Они отмечают у русских хорошую службу артиллерийского наблюдения. По их мнению, кто-то регулировал артиллерийский огонь из города, так как были хорошие результаты советской артиллерии по уничтожению немецкой авиации на аэродромах. Ещё пример, 129-я пехотная дивизия почти два месяца вела бои в Калининне, а в документах наших штабов о ней не говорится.

Сипейкин А.В., доцент кафедры Отечественной истории Тверского государственного университета, кандидат исторических наук. *Власть и идеология в годы войны (региональный аспект).*

Я занимаюсь ранним первым периодом истории Первой мировой войны, но поскольку читаю курс «Русской истории», я стараюсь

отслеживать новинки историографии, публикации документов, касающиеся также и истории Великой Отечественной войны. Мне, как историку, интересно сравнить первый период Первой мировой войны со Второй мировой войной. Но часто проводятся публицистические, дилетантские сравнения между двумя войнами. Говорят, например, что немцы не дошли до Москвы во время Первой мировой войны, в частности потому, что второй фронт был реальный. Проходил он не в Сицилии, и не в Африке, а очень близко от Германии и ей приходилось тратить колоссальные людские и материальные ресурсы против него.

Важно учитывать факторы, связанные с мобилизацией экономики. Это острая проблема, связанная с Отечественной войной: насколько вообще эффективно было управление в Советском Союзе. Можно привести сравнение с тем, насколько эффективно была мобилизована экономика в годы Первой мировой войны. Там были очень большие проблемы, правительство вынуждено было пойти на союз с земскими органами, военно-промышленными комитетами. Со временем эти организации стали требовать участия в принятии политических решений, стали выражать оппозиционные настроения и, следовательно, стали представлять угрозу для режима. В этом плане сравнение в пользу, конечно, Советского Союза. В историографии существует сравнение с фениксом, восставшим из пепла. Действительно, страна смогла восстановить свою силу после тяжелейшего удара в 1941 году. Нужно помнить о колоссальных потерях территорий, промышленных центров, людских потерях. Важно помнить о заслугах тех, кто смог организовать эвакуацию промышленности, создание новых производственных центров. Это и производство танков в Челябинске, и много другого необходимого для войны. Эти факты можно использовать как довод в пользу той точки зрения, что эта система была достаточно жизнеспособной.

Поскольку я занимаюсь советской антирелигиозной политикой и советской политической культурой, меня интересует ещё один аспект истории Великой Отечественной войны: насколько эффективен был советский пропагандистский аппарат, опять же в сравнении с Первой мировой войной. Получается, что был учтен опыт

Первой мировой войны. И позитивный, и негативный. Если взять, например, привлечение Русской Православной церкви к пропаганде патриотических идей, то здесь имеет место преемственность с дореволюционным периодом, возвращение к традициям.

Не менее интересен вопрос о самой советской пропаганде. Здесь были учтены и слабости пропаганды периода Первой мировой войны, и проанализированы её сильные стороны. Здесь тоже есть определенная преемственность. Скажем, в создании образа врага: публикации о немецких зверствах. В годы Первой мировой войны они также были широко распространены. Наши архивы содержат интересную информацию, касающуюся сбора сведений о преступлениях немцев, нацистов на территории нашей области. Здесь колоссальный ресурс для будущих исследователей, пока не полностью еще использованный. Сбором информации о преступлениях нацистов занимались Институт истории СССР, Институт этнографии. На местах, по свежим следам органы НКВД централизованно занимались сбором сведений о преступлениях оккупантов. Собирались письма, брались интервью, фиксировались показания свидетелей. Когда читаешь эти документы, вспоминаешь фильм Э. Климова «Иди и смотри», который незаслуженно ругают. Говорят, что там все очернено, показано все слишком в черном свете. Если посмотреть по первичным документам, никакого очернения нет, было еще ужаснее, чем показано в фильме. В пропаганде всегда есть некоторая однобокость. Но, если смотреть местные газеты, например, «Сталинский путь» и другие, получается, что наоборот, журналисты даже несколько смягчали то, что происходило в зоне оккупации. Они обходили некоторые моменты, чтобы не шокировать читателей. Конечно, это была пропаганда, без этого было невозможно.

Можно отследить закономерности в том, как подавалась информация в региональных газетах, композиция статей была примерно одинаковой. Как правило, начинаются статьи с описания благополучной довоенной жизни, все подано, естественно, в идеалистических тонах. Потом начинаются описания зверств фашистов, причем реальные, не выдуманные. Иногда, конечно, краски сгущались, например, немцы сравнивались с животными,

с голодными волками, с саранчой, армию вермахта называли «грабь-армией», и так далее. Использовались хлесткие эпитеты. Следующий момент, как правило, это описание встречи освободительницы – Красной армии. И финал практически во всех публикациях, это конкретный адресный призыв. Это было сделано грамотнее с точки зрения пиара, связью с общественностью, чем это было в годы Первой мировой войны. Именно адресное обращение к конкретной аудитории, например, к молодежи, тем более, что молодежь часто оказывалась в оккупированной зоне. Это молодые люди, которых еще не успели призвать в ряды Красной армии. Создавались определенные образы, наряду с образом врага, может несколько утрированные, но в тоже время соответствующие действительности стереотипы. Стереотип – это не всегда ложь, стереотип – это упрощенная схема. Создается образ героя, например, образ Лизы Чайкиной, Героя Советского Союза. Это не единственный образ, в газетах есть и другие примеры подвигов советских людей. Причем это обобщается, в первую очередь, на героях-девушках, как пример для мужчин: смотрите, что девушки делают! Как они жертвуют своей жизнью, какие претерпевают муки, пытки. А что вы сделали для Победы? Подспудно или явно, такое обращение в газетах присутствует.

Можно сделать вывод: в целом по стране, и в Калининской области в частности, все достижения, все проблемы, которые были связаны с пропагандой в годы Первой мировой войны, были учтены. И одна из причин победы в Великой Отечественной войне – это была грамотная работа советских пропагандистов. У Л.А. Болокиной есть интересное исследование о настроениях людей в годы войны и того, как на них влияла пропаганда.

Мне кажется, что есть еще что исследовать, есть интересные фонды в бывшем партийном архиве, в областном архиве, которые ждут своих исследователей, могут быть очень интересные публикации документов. Часть документов ГАТО уже оцифровали. Мне кажется, что их надо публиковать по всем правилам археографии, а не просто выложить на сайте. Такие публикации – очень хороший антидот против попыток реабилитировать нацизм, и это очень важно не только с исторической, но и с политической точки зрения.

Вопрос: – Пропаганда в той или иной степени есть отражение политики. Существует утверждение, что немецкая пропаганда была изначально в проигрышном положении из-за неправильной политики своего руководства, нежели советская пропаганда, и вообще пропаганда антигитлеровской коалиции. Что и кому могла предложить немецкая пропаганда: хорошую, нормальную жизнь только самим немцам, да и то после войны, или тем, кого могли причислить к арийцам. К таким, естественно, большинство не относилось. Пропаганда же антигитлеровской коалиции могла предложить изначально мир, все люди равны, никто никого притеснять, унижать не будет.

Сипейкин А.В.: – Безусловно, именно то, что немцы считали советских граждан унтерменшами, стало одной из причин победы Советского Союза. Нацистская политика со всеми ее жестокостями вытекала из плана «Ост», из идеологии Геббельса. Эти обстоятельства советские пропагандисты грамотно использовали для того, чтобы мобилизовать всех советских граждан для борьбы с врагом.

Вопрос: – Советская пропаганда смогла буквально на ходу «переобуться»: от огульного интернационализма перешла к патриотической пропаганде. И это произошло грамотно и быстро. Это признают и сторонники, и противники советской власти. Немцы не смогли серьезно скорректировать свою пропаганду, направленную на население Советского Союза, несмотря на то, что к 1943 году можно было понять необходимость этого. У руководства Германии не было идеологической гибкости? Геббельс утверждал что, если бы политика Германии на Восточном фронте была более разумной, она достигла бы большего.

Сипейкин А.В.: – Какие-то попытки коррекции были сделаны. Они не получились в силу того, что лидером был фанатичный человек, с не совсем здоровой психикой, который реальность вос-

принимал не совсем адекватно. К 1944—1945 годам и до Гитлера дошло, когда было уже поздно.

Леонтьева О.Г.: – Реплика по поводу слов об оцифровке и публикации документов. Сейчас запущен Общероссийский проект по документам Комиссии ЧГК по установлению преступлений фашистов. Будет опубликовано 23 тома. По всем архивам России ведется работа, в частности, в наших двух архивах такие документы уже выявлены и на сегодняшний день идет их археографическое описание. До этого эти документы не пропагандировались и сознательно не вводились в широкий научный оборот. Это новые источники, это сильная источниковая база.

Вопрос: – Претерпела ли эволюцию советская пропаганда? Когда часть Советского Союза была оккупирована, был лозунг «Убей немца!», все против немцев. Немец, но не нацист. Когда начался освободительный поход, риторика изменилась. Это действительно было так с 1944 года?

Сипейкин А.А.: – С 1944 года, когда начали в Восточной Европе освобождать территории от нацистов. И тот же И. Эренбург, который выдвинул лозунг: «Убей немца!», стал с отвращением описывать то, что творили иногда советские граждане, когда мстили за своих близких. Тема была гибкая.

Вопрос: – Назовите какую-то работу за 75 лет по вопросам власти в годы войны?

Сипейкин А.В.: – Работа Орлова, А.Я. Лившина (составители): «Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны». Там хорошее вступительное слово, хороший сборник документов.

Вопрос: – Как относиться к работам о партийном руководстве, которые были изданы в советское время? Например, в очерках по истории Калининской областной партийной

организации была глава о её деятельности в годы войны. В этих публикациях 1970-х годов шла речь о партийной власти.

Сипейкин А.А.: – Чем будет больше публикаций, тем лучше. Работу надо возобновлять.

Воробьев В.М., профессор кафедры гуманитарных наук и дизайна Филиала Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина в Твери, доктор культурологии. *Состояние изучения региональной военной биографики.*

– Жанр Круглого стола предполагает обмен мнениями между специалистами, которые смотрят на обсуждаемые вопросы с разных точек зрения и из разных профессиональных ниш. Три четверти века — это последний юбилейный рубеж, когда рядом с историками присутствуют последние участники событий Великой Отечественной войны. Дальше мы будем только держать ответ перед памятью, но не сможем непосредственно общаться с творцами Победы.

Что же собрано и написано о тех, кто сражался на Верхневолжской земле, какие свидетельства остались потомкам? Если говорить об именах участников этих событий, об их непосредственных действиях, то до обидного мало.

Единой государственной программы по этой тематике никогда не существовало. Тверская военно-историческая научная школа, акцентированная на изучение Великой Отечественной войны, не сложилась. В советское время исключались какие бы то ни было оценки военных событий, действий Ставки Верховного главнокомандования, Генерального штаба и олицетворявших их персоналий, кроме официальных. Львиная доля документов, особенно от начала войны до победы под Сталинградом, была недоступна для исследователей. Интерес властей к истории войны и тогда, и позже инспирировался в основном приближением очередных юбилейных дат, после чего об этом им можно было забыть почти на пять лет, слегка встряхиваясь ежегодно перед 9 Мая.

Печально, но серьёзную и системную государственную работу по этой важнейшей тематике подменяла инициатива снизу — на уровне деятельности школьных отрядов «красных следопытов», которых никто не учил, как надо беседовать с ветеранами, что и как записывать и сохранять. Эта любительская фиксация оказывалась не только непрофессиональной, но и недолговечной. На какое-то время материалы оседали в школьных музеях, но со временем почти все они оказывались утрачены: при переездах, ремонтах, уплотнениях и закрытиях школ, естественной ротации учителей и администрации образовательных учреждений. Школы, которые не утратили этих традиций, можно по пальцам пересчитать на пространстве Тверской области, равной по территории Австрии.

Из недавних возмутительных примеров приведу события 2012—2013 годов, когда по приказу губернатора А.В. Шевелёва была проведена акция «История моей семьи в истории моей страны», в результате которой тверские школьники всех возрастов разорили семейные архивы, варварски кромсая фронтовые снимки и письма и выклеивая из них коллажи. Всё это безумие завершилось выставкой в ДК «Пролетарка», после чего коллажи отправились в макулатуру. Так по чьей же воле уничтожается память о Великой Победе? Вопрос риторический.

Едва ли не единственной структурой, которая более или менее системно собирала материалы об участниках военных событий на Тверской земле, были районные музеи, входящие как филиалы в состав Тверского государственного объединённого музея. Их сотрудники получали существенную методическую помощь из областного центра и сами проявляли разумную инициативу и заинтересованность. По крайней мере, артефакты и записи, поступавшие в эти музеи, образовывали специальные фонды, тщательно образом хранились и частично экспонировались. В большой степени это относилось и к Музею комсомольской славы им. Лизы Чайкиной, где благодаря директору А.И. Сидоровой собирались документальные и фотоматериалы, артефакты, проводились встречи с ветеранами войны, шла оживлённая переписка с ними и их семьями. После закрытия музея далеко не все эти бесценные материалы удалось сдать на государственное хранение.

Что же касается самих участников войны, которым посчастливилось дожить до Победы, то рядовые бойцы и командиры младшего и среднего звена, то есть те, кто больше всех наглотался пороха и натерпелся от ран, обычно с неохотой говорили о тех страшных годах или вовсе молчали. И совсем не потому, что это забылось или они ничем не отличились на фронте. Их ордена и медали говорят об обратном.

Буквально все из фронтовиков, с которыми я общался с детства и до недавнего времени, воспринимали войну как время утраты близких друзей, однополчан, как место, где высшее военное командование добивалось выполнения гибельных приказов любой ценой. Им, прошедшим этот ад, невыносимо было слушать казённую праздничную трескотню, в которой не было ни грана правды, а потом погружаться в привычную атмосферу равнодушия и невнимания.

Конечно, им было что сказать, и история Великой Отечественной была бы намного полновесней и правдивей, более очеловеченной, если бы у ветеранов были достойные, тактичные, искренние, сопереживающие собеседники. Но где ж было найти таких журналистов и историков, кто согласился бы писать всё это «в стол», без надежды на публикацию окопной правды?! Да и «в столе» эта правда была опасной, и эта опасность была одинаково реальной и для рассказчика, и для летописца.

В то же время в серии «Военные мемуары», в других сериях и вне их вышли сотни книг воспоминаний. Я прочитал или просмотрел в разное время большую часть этой продукции и усвоил для себя грустную закономерность: чем у автора больше звёзд на погонах, тем меньше правды на страницах книги.

Поразительно, но маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский – военачальники, разрабатывавшие и реализовывавшие все четыре этапа Ржевской битвы, продолжавшейся пятнадцать месяцев и стоившей нам двух миллионов жизней, практически ничего не написали о ней в своих многократно переиздававшихся пухлых мемуарах. И это молчание – своеобразное признание собственной тяжкой вины за бездарное стратегическое планирование и оперативное руководство. Не найдём мы почти ни слова о тех,

кто прошёл горнило Ржевской битвы, и в мемуарах командарма-30 Д.Д. Лелюшенко.

Да ГлавПУР никогда бы и не позволил им написать правду, даже если бы они вдруг захотели. Вспомним, что ответил начальник ГлавПУРа, генерал армии А.А. Епишев на приёме в Кремле, после парада 9 Мая в 1965 году на вопрос генерал-полковника авиации Г.Ф. Байдукова: «Когда же мы правду-то о войне будем писать?» Глава советских военных политорганов искренне удивился: «Если мы будем писать, как было на самом деле, на чём же мы молодёжь-то будем воспитывать?!»

Все опубликованные мемуары были тщательно вычищены военной и партийной цензурой и в таком выхолощенном виде они дошли до читателя. Дневники на фронте вести было запрещено всем: от рядового до маршала Советского Союза. Нарушил этот запрет один человек – Андрей Иванович Ерёмченко. Сталину об этом доложили, но он позволил сделать исключение. Дочь маршала Татьяна Андреевна Ерёмченко недавно издала эти дневники в первоизданном виде и теперь каждый может увидеть, как отличается оригинал от текста, прошедшего советскую цензуру. Как говорится, земля и небо! А те, кто не соглашался на уродование воспоминаний, не получали возможности публиковаться. Главный маршал авиации А.Е. Голованов, командовавший авиацией дальнего действия почти всю войну, так и не увидел напечатанной при жизни свою книгу «Дальняя бомбардировочная».

Лишь при описании нескольких сюжетов, происходивших на Калининском фронте, нельзя было обойтись без имён. Прежде всего, это подвиг партизанки Лизы Чайкиной. Но и о нём мы больше знаем по художественной и очерковой литературе: роман Николая Бирюкова «Чайка», очерк Бориса Полевого «Жанна д'Арк верхневолжских лесов», стихи Михаила Светлова, Маргариты Алигер, Марии Комисаровой.

Не утрачивалась и память о рейде экипажа танка Степана Горобца через только что оккупированный немцами Калинин. Но, как писал Михаил Жванецкий, чей-то подвиг – это результат чьей-то оплошности или даже преступления. Рейд 21-й танковой бригады по Тургиновскому шоссе на Калинин, где дислоцировались

две вражеские дивизии и другие части, – попытка выполнения невыполнимого приказа, отданного в результате несогласованности действий высшего военного руководства, в чём есть и вина И.С. Конева – только что назначенного командующим вновь образованным Калининским фронтом.

Но в целом правда о героях Ржевской битвы, пусть и куцая, просачивалась только на страницы армейских, фронтовых и центральных газет. Из газеты «Правда» страна узнала от Ильи Эренбурга об отважном разведчике Данииле Прыткове, а от Бориса Полевого – о немецком антифашисте-партизане Фрице Шменкеле.

Но, по крайней мере, один информационный блок о персональной военной памяти заполнен для Тверской области основательно. Я имею в виду вышедшую тремя изданиями книгу генерал-майора И.А. Долгова «Золотые Звёзды калининцев». Начальник Калининского суворовского военного училища, он ощутил сбор материалов о героях, как долг перед павшими и урок для молодёжи. Причём сделано это было в основном в 1950-х годах, когда многие из героев были живы. Моё обращение к материалам по данной тематике в других регионах СССР показало, что это наиболее ранняя и наиболее полная в нашей стране книга очерков о героях Советского Союза, а переписка автора и его сотрудников с персонажами книги, их сослуживцами и родственниками, делает её уникальной. Правда, литературная запись, проведённая партийным журналистом А.Ф. Ростковым, стала своеобразным эквивалентом военно-политической цензуры, в результате чего она оказалась нарочито насквозь пропитана коммунистической идеологией. Впрочем, если вывести за скобки эти ходульные пассажи, остаётся много фронтовых и биографических реалий о героях – уроженцах и жителях нашей области, которые можно увидеть только в этом издании.

Стремление дать достаточно объективное, без идеологических штампов, изложение судеб героев – наших земляков, дополнив их вновь выявленными сведениями из их фронтовой и гражданской жизни, а также написать очерки о героях, которые не были нашими земляками, но защищали и освобождали территорию нашей области в её современных границах, сформировало исследовательский и издательский проект, над которым я работал почти четверть века.

В результате в 2015 году тиражом 200 экз. был издан мой пятитомник «Герои Советского Союза на Тверской земле» (объём 140 п.л.), включивший 638 очерков о героях. Почти все очерки в течение 2010—2015 годов были опубликованы на страницах областной газеты «Тверская жизнь» и размещены в сети Интернет. Это не научные исследования, хотя я многократно перепроверял свои тексты по источникам и литературе и ссылался в них на архивные материалы и публикации. Задача была другая – в популярной форме, без искажения событий, донести информацию в жанре очерка до широкого читателя. Интернет-публикации дали результат, превзошедший ожидания: я получал отклики и вопросы на уточнение и разъяснение со всех концов страны, вплоть до Ханты-Мансийского округа и Советской Гавани. Это ещё больше убедило меня в полезности такой работы. В очерках есть спорные моменты, особенно в закавыченных цитатах, но я старался оговаривать их специально, насколько позволяла компактность жанра.

На этой основе я выпустил, по просьбе ряда муниципальных образований, более десяти книг и брошюр о героях, уроженцах данного района. Кроме того, вышел двухтомник о героях-лётчиках, книга о героях-моряхах, к 75-летию Победы выходит книга о героях-танкистах.

В 2019 году вышла в свет моя книга «Кавалеры ордена Суворова I и II степени. Тверские страницы судеб» (объём 58 п.л.). Выпускник Тверского суворовского военного училища, Герой России, вице-премьер Правительства России Ю.И. Борисов наградил ею всех выпускников училища 2019 года. В дальнейшем эта церемония станет традиционной.

Что касается перспектив изучения и актуализации персональной истории событий Великой Отечественной войны на территории Тверской области, то мне представляются наиболее перспективными и необходимыми к разработке следующие три направления деятельности.

Полагаю, что в таком авторитетном информационном центре, каким является Тверская универсальная научная библиотека им. Горького, необходимо продолжить формирование, при поддержке Комитета по делам культуры Тверской области, специальной

электронной базы данных изданий и документов о событиях Великой Отечественной войны на территории нашей области и о земляках, участвовавших в событиях Второй мировой войны в других регионах нашей страны и мира. Эта работа может объединить и профессионалов, и добросовестных энтузиастов, обрести единомышленников за пределами Тверской области и соединить их под одной надёжной крышей.

Инициатива историка, кандидата исторических наук С.А. Герасимовой по организации «круглого стола» по данной тематике могла бы, на мой взгляд, найти продолжение в регулярном профессиональном обсуждении ряда других, возможно, более частных, но не менее значимых вопросов, в том числе экспертизы вышедших изданий и намечаемых к реализации проектов, подготовки к юбилеям конкретных событий и персональным юбилейным датам, увековечению памяти участников войны.

Наконец, необходимо установить тесное и конструктивное сотрудничество с Тверским областным институтом усовершенствования учителей, чтобы военно-историческая информация, в первую очередь, в электронном виде на сайте ТОИУУ, была доступна в упорядоченном виде и максимально разумном объёме педагогам и школьникам Тверской области и всем желающим. Обратная связь поможет получить от них дополнительную информацию для специалистов по данной тематике. Этот вектор работы нацелен на трансляцию исторической памяти и исторической правды о Великой Отечественной войне для молодого поколения. По данной тематике возможно проведение школьных, муниципальных и областных конкурсов, викторин, фестивалей и т.д., участие в федеральных военно-исторических мероприятиях.

Болокина Л.А., доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью Тверского государственного технического университета, кандидат исторических наук. *Население области в годы войны.*

– Тема повседневной жизни гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны не была в центре внимания советских историков. Лишь в трудах А.И. Залесского,

М.М. Загорулько, А.Ф. Юденкова присутствуют фрагментарные сведения об условиях быта населения в оккупации. Можно назвать ещё несколько имен отечественных историков, которые так или иначе затрагивали некоторые аспекты бытовой жизни советских граждан, например, в тыловых регионах, но не более того. Повседневная жизнь населения показана была крайне скупо и односторонне. Однако за последние три десятилетия историками в различных российских регионах был совершён самый настоящий прорыв в разработке этой темы. Отличаются такие регионы, как Татарстан, Курская, Ленинградская, Оренбургская, Смоленская области, можно назвать ещё Адыгею, Санкт-Петербург и другие территории. Там нашлись историки, которые исследовали разнообразные вопросы, проблемы и аспекты повседневной жизни именно гражданского населения. К сожалению, в сообществе профессиональных историков Тверской области людей, проявивших настоящий интерес к обсуждаемой теме, совсем немного.

Необходимо отметить, что первые публикации о жизни гражданского населения оккупированной территории появились в годы войны. В 1942 году, сразу после освобождения ряда районов от оккупации, Калининским обкомом ВКП(б) была издана брошюра под названием «Не забудем, не простим! Злодеяния немецко-фашистских захватчиков в районах Калининской области». В 1945 году вышла брошюра З. Карпенко «Под фашистским иглом (О хозяйничании немецких захватчиков в районах Калининской области)», в которой показаны самые уродливые черты оккупационного режима.

Обращаясь к трудам профессиональных исследователей, прежде всего, следует назвать кандидатскую диссертацию Г.Г. Румянцева «Идейно-политическая работа Коммунистической партии в период Великой Отечественной войны», написанную в 1979 году. В заключительной части работы говорится о функционировании культурно-просветительных учреждений: домов культуры, сельских клубов, библиотек, музеев, театров в Калининской области в военные годы. Разумеется, деятельность их сотрудников оказывала влияние на общественное сознание.

В 1998 году защитил кандидатскую диссертацию В.И. Ирлицин. Тема диссертационного исследования звучит так: «Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны на материалах Калининской области, июль 1941 – ноябрь 1942 года». Владимир Иванович не обошел вниманием ряд непростых вопросов. Касаясь жизни гражданского населения, он признаёт тот факт, что в начале войны произошло некоторое ослабление веры в победу Красной армии. Среди калининцев были самые различные настроения, в том числе растерянность, страх, возмущение. При этом подчёркивается, что господствующим все же оставалось стремление к сопротивлению, вера в будущую победу. Но, учитывая специфику заявленной темы, он, разумеется, описывает и случаи паники, мародерства, скупки товаров первой необходимости, нарастание недовольства граждан, которое в немалой степени было вызвано нехваткой продовольствия, а также действиями некоторых руководителей местного, районного масштаба, советских, партийных чиновников. В.И. Ирлицин изучал борьбу органов НКВД с преступностью. Например, приводятся данные статистики, согласно которым в 1942 году на первое место среди различных видов преступлений в области вышли хищения и автор описывает действия органов НКВД в этом направлении. Затрагивая тему эвакуации населения и имущества, он отмечает, что в областной столице она прошла неорганизованно, без тщательной подготовки, с большими материальными потерями. Также приводятся данные о количестве коллаборационистов, разоблачении этих людей, проводимой с ними работе. Одно из наблюдений автора состоит в том, что это были не только обиженные советской властью кулаки, бывшие дворяне. Подобные выводы можно обнаружить и у других современных авторов, некоторые из которых пришли к мысли, что состав этого движения примерно воспроизводил структуру советского общества вообще: крестьяне, рабочие, служащие. Ценность диссертационного исследования В.И. Ирлицина не вызывает сомнений.

В связи с этим уместно вернуться к прозвучавшему ранее вопросу о взаимодействии и взаимопонимании краеведов и профессиональных историков. Видимо, стоит вспомнить еще одно

отличие, состоящее в четкой постановке целей и задач исследования. Когда историк приступает к разработке конкретной темы, он должен пояснить свои цели, в то же время этот момент нередко отсутствует в работах краеведов. Данное обстоятельство следует учитывать тем, кто склонен упрекать авторов в отсутствии объективности или замалчивании определенных аспектов, но, возможно, в конкретной публикации ставились совсем иные задачи и рамки исследования. Кроме того, у критиков остается право продолжить изучение темы в определенном направлении, внести дополнения, привлечь общественное внимание к каким-то фактам в собственных работах.

Тверской историк В.С. Папин защитил диссертацию ещё в 1960-е годы, однако и в нынешнее время выпустил несколько книг о войне. В 2010 году в соавторстве с Г.П. Асинкритовым он издал труд «Калининский трудовой фронт в годы Великой Отечественной войны», а в 2016-м – «Трудовая слава калининцев в Великой Отечественной войне». В этих работах дана характеристика области накануне войны, что важно и значимо для понимания того, с каким потенциалом подошел наш регион к началу военных действий, показаны первые шаги по организации защиты страны и конкретно Калининской области, описывается труд сельских жителей и горожан в военные годы. При этом автор анализирует разные участки трудового фронта: не только работу в колхозах и на промышленных предприятиях, но и труд мобилизованных на строительство заградительных сооружений, аэродромов, расчистку дорог, лесозаготовки, восстановление мостов. Большое число жителей Калининской области участвовало в этих работах. К сожалению, использовать современные труды автора в научных целях весьма сложно из-за отсутствия ссылок, научно-справочного аппарата.

Хотелось бы выделить работы И.И. Климина, доктора исторических наук, профессора из Санкт-Петербурга. Являясь уроженцем Бежецкого района нашей области, значительную часть своих трудов он посвятил своей малой родине. Среди работ есть фундаментальное издание, вышедшее в 2005 году: «Годы испытаний. Бежецкий район Калининской области накануне и

в период Великой Отечественной войны». Десять лет спустя вышла книга «Вклад населения Бежецкого района Калининской области в Победу над фашистской Германией». Труды И.И. Климина отличает очень широкий круг тем и освещенных вопросов. Автор рассматривает повседневную жизнь сельских жителей Бежецкого района, горожан, самые разные аспекты взаимодействия власти и гражданского населения, описывает немало бытовых подробностей, например, особенности рациона питания бежечан, их одежду, функционирование медицинских, лечебных учреждений, системы образования, осуществление социальной адресной помощи. Поднимая различные вопросы, И.И. Климин выражает собственное мнение, а в некоторых случаях обозначает поле деятельности для будущих исследователей. Так, он размышляет об особенностях кадровой политики Коммунистической партии, областного руководства, руководителей районного уровня на примере Бежецкого района, где присутствовала частая смена кадров. Кадровая проблема была действительно очень болезненным вопросом в годы Великой Отечественной войны. Также автор исследует проблему продовольственного снабжения населения в годы войны на примере Бежецкого района, пытаясь разобраться, кто должен разделить ответственность за то, что дефицит продовольствия приобрел такой масштаб. Многолетняя работа И.И. Климина заслуживает уважения и благодарности земляков.

В ряде работ доктора исторических наук А.А. Славко отражены некоторые аспекты жизни населения в годы Великой Отечественной войны. В частности, в них можно найти сведения о детских учреждениях Калининской области, их количестве, о перемещении детского контингента в период войны, конкретных решениях советских и партийных властей, которые касались детей-сирот. Публикации ученого основаны на материалах разных регионов; отдельного исследования о Калининской области нет.

Некоторые материалы по обсуждаемой теме содержат сборники документов и материалов, выходявшие в разные годы. Отличительной чертой изданий советского времени является выборочность представленных источников. Очевидно, что те факты, которые не соответствовали официально принятой тогда концепции

войны, просто не могли войти в эти сборники. В послевоенный период их вышло не так мало, но представить истинную повседневную жизнь населения во всем многообразии по ним невозможно. Особого внимания заслуживает сборник «Страницы народного подвига», выпущенный в 1974 году. Несмотря на то, что в основном он содержит документы официального характера, и на их страницах можно рассмотреть поведение разных групп граждан, умонастроения, особенности бытовых отношений.

В постсоветское время увидели свет несколько сборников материалов, документов и воспоминаний, восполняющих явный пробел в освещении жизни гражданского населения в военные годы. Некоторые из них включают очерки профессиональных историков, не всегда, однако, имеющие заметную научную ценность. В целом же эти сборники играют важную роль, в том числе для будущих исследований. Отдельно стоит назвать два издания, которые были приурочены к 60-летию Победы – «Социальные аспекты изучения Великой Отечественной войны» и «Нам выпало на долю». Вышедшие в 2005 году, эти сборники содержат множество интересных, не публиковавшихся ранее, материалов и являются наиболее информативными. В них вошли неизвестные дневниковые записи, воспоминания и официальные документы, которые невозможно найти в сборниках советского времени. Среди них: докладные записки, донесения, спецсообщения, сводки о настроениях, материалы военной цензуры, некоторые данные статистики, касающиеся демографической обстановки в области и другие.

Вероятно, наиболее известным современному читателю является сборник по истории областных спецслужб «От ЧК до ФСБ», вышедший в 1998 году и включающий данные, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны. Многие из размещенных в нем материалов воспроизводят неприглядные, малопривлекательные стороны военной действительности, в том числе рост некоторых видов правонарушений, факты недостойного поведения руководителей: проявления трусости, паники, бегства при приближении противника. Подобное имело место и мешало, к примеру, оперативно организовать эвакуацию.

Особая роль принадлежит опубликованным воспоминаниям и фрагментам мемуаров очевидцев Великой Отечественной войны. Как одни из наиболее насыщенных и содержательных стоит отметить воспоминания жительницы г. Торжка Кашковой В.Ф. и М.И. Сапожникова. В последнее десятилетие фонды областной библиотеки им. Горького и многих районных библиотек пополнились брошюрами, иногда небольшого объема, но очень ценными с точки зрения изучения истории войны. Сотрудники районных библиотек проделали значимую, серьезную работу. Они собрали и записали воспоминания свидетелей событий военных лет, провели необходимую обработку и подготовку к печати. Рассказчики поделились своими знаниями о реалиях повседневной жизни в период войны, в том числе в условиях оккупации, приводя при этом немало любопытных подробностей, деталей отдельных эпизодов.

В заключение можно выделить несколько тем, которые представляются недостаточно изученными и интересными для дальнейшей разработки в рамках профессиональных исследований событий Великой Отечественной войны по материалам Тверского региона:

- организация эвакуации населения, учреждений, предприятий, материальных ценностей;
- организация и проведение оборонных работ и строительство оборонительных сооружений;
- система здравоохранения Калининской области в годы Великой Отечественной войны;
- продовольственное снабжение и снабжение промышленными товарами населения Калининской области в военные годы;
- организация образовательного процесса в Калининской области в период войны;
- условия жизни и труда рабочих промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны;
- борьба с преступностью органов НКВД (напомню, что В.И. Ирлицин занимался лишь периодом с лета 1941-го до осени 1942 года, малоизученным, с точки зрения темы, остается следующий период;

- помощь семьям военнослужащих и инвалидам войны;
- жилищно-бытовая инфраструктура Калининской области в военный период;

– мобилизация и труд подростков и молодежи Калининской области в школах ФЗУ и ремесленных училищах. (Напомню, что в 1943 году и позднее было мобилизовано и отправлено в другие регионы большое количество молодежи нашей области. Молодые люди достойным образом показали себя на территории уральского, сибирского регионов и достойны памяти. Современники должны знать о пережитых ими трудностях, трудовом подвиге, который они совершили).

Ответ на реплику по вопросу достоверности отчетов партизанских отрядов. Подобная дискуссия уже шла среди профессиональных историков. Могу назвать, например, труды курского историка В.В. Коровина, который рассматривал вопрос об адекватности сведений в партизанских источниках. Безусловно, их нужно верифицировать. Тема партизанского движения в Калининской области еще ждёт своего глубокого изучения.

Вопрос: – В.И. Ирлицын, имея доступ к архивам ФСБ, писал о существовании в Калининске в период оккупации Национал-социалистической организации. В ней было 14 человек, один ушел с немцами. Теперь на эту информацию ссылаются. Это фактическая ошибка В.И. Ирлицина? Речь идет об ответственности исследователя.

Болокина Л.А.: – Этот вопрос нужно адресовать прежде всего В.И. Ирлицину. Однако следует подчеркнуть, что каждый историк проходит свой путь и на каком-то этапе имеет в распоряжении определенные источники, на основе которых публикует статьи. Получив доступ к новым материалам, исследователь нередко возвращается к старым темам и на новом уровне пытается раскрыть их, в том числе дополняя самого себя. Сейчас новые возможности часто связаны с Интернетом и это позволяет обеспечить более широкую доступность информации о происходившем в военные годы. Дискуссии по самым различным темам, обсуждение

множества неоднозначных вопросов происходят в рамках Интернета. Практически любой исследователь может привести собственные аргументы и обоснования, которые быстро станут общеизвестными.

Вопрос: – Говоря о возникновении интереса к повседневной жизни в годы Великой Отечественной войны, Вы назвали Татарстан, Адыгею, Смоленск. С чем это связано? В Татарстане же немцев не было, территория не была оккупирована.

Болокина Л.А.: – Но жизнь продолжалась повсюду, везде шла повседневная жизнь, но уже в условиях войны. Во всех регионах СССР люди выполняли свой долг и трудились во имя будущей Победы. Где-то принимали эвакуированных, разворачивали сеть госпиталей, производили продукцию для фронта. Например, Калининская область одновременно как принимала эвакуированных и беженцев, так и с нашей территории люди разъезжались во многие регионы. А что касается указанных регионов, могу повторить, что главным образом дело в людях, историках, которые заинтересовались этой темой, пошли в архивы и написали достойные работы. В определенных случаях имеет значение поддержка со стороны представителей власти, так как исследования нередко требуют определенных ресурсов.

Ермолов И.Г., доцент Религиозной образовательной организации высшего образования «Московская семинария евангельских христиан», кандидат исторических наук (Москва). *Коллаборационизм на территории области.*

– Темой моего исследования являются коллаборационистские процессы, но не конкретно в рамках Тверской области в ее довоенных или современных границах, а коллаборационистские процессы вообще, происходившие на территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тему эту не только ученые, но и обыватели как воспринимали, так и продолжают воспринимать болезненно.

Процесс изучения этой темы можно условно разделить на два периода. Первый период – в советские годы, когда тему коллаборационизма отечественные историки обходили молчанием, в лучшем случае упоминали точечно, в крайне тенденциозном виде, полагая, что для советской историографии достаточно именно такой информации. Так, советская историография говорила, что на службу к врагу уходили исключительно деклассированные элементы, уголовники, пьяницы. Некоторые авторы пытались, правда, ретушировать эту проблему: по их утверждениям, если на службе у немцев и были русские, то они никакого отношения к советскому народу не имели. Это были прибывшие в эмигрантском обозе отребье, остатки белых армий.

В 1990-е годы после распада СССР интерес к этой теме изменился. Этот период характеризуется тем, что пошел настоящий вал публикаций. Как уже было сегодня отмечено, этой темой занимались не профессиональные историки, а журналисты, краеведы, просто любители. Это зачастую не только не продвигало вперед науку, но даже, наоборот, наносило определенный вред. Если историки советского периода представляли коллаборационистов лишь с негативной стороны, то в начале девяностых авторы многочисленных публикаций впали в другую крайность – писали о коллаборационистах почти исключительно как об идейных борцах против сталинского режима, которые, якобы, хотели освободить русский народ от коммунистического ярма, вернуть России все утраченные свободы, отнятые большевиками. То есть, исследователей интересовала не научная истина, а крайность отрицания коммунистической идеологии, что нанесло определенный ущерб научному подходу к изучению темы.

Теперь страсти улеглись. С периода распада Советского Союза, прошло уже почти тридцать лет. Настала пора более детально, более объективно, более научно подойти к исследованию этой темы. Игнорировать ее, как и жизнь населения СССР в период оккупации, нельзя, так как вместе с Тверской областью оккупации полностью или частично подверглось только в РСФСР 12 краев и областей. То есть около 40% населения от нескольких недель, как в Калининне, до трех лет оказалось под пятой оккупантов. Тут-то

и возникли коллаборационистские процессы. Люди, испытывавшие колоссальное давление немецкой пропаганды, были отчасти убеждены, что, может быть, и правда, Красная армия уже практически разгромлена, поэтому возникает практическая целесообразность приспособления к жизни в новых условиях, при новой власти. Таким образом, в среде немалой части населения проявляются коллаборационистские настроения, возникают коллаборационистские процессы в различных сферах.

Мы часто привыкли войну рассматривать как только боевые действия, но это далеко не полный перечень тем военной истории. Война – это и обеспечение работы тыловых служб, организация работы промышленности, хотя бы направленной на нужды армии, это обеспечение быта населения в различных сферах: в сфере здравоохранения, образования. К тому же немцы не были заинтересованы, чтобы на подвластных им территориях процветала преступность, им надо было эксплуатировать экономический потенциал Советского Союза, а для этого требовалось устранить все помехи, в том числе, партизанское движение. Перед оккупантами встала масса проблем, масса вопросов, которые решить без помощи местного населения было крайне проблематично.

Что касается Калининской области, то, как и во всех других регионах, тема коллаборационизма долгое время игнорировалась отечественной наукой. Даже в настоящее время нет отдельных фундаментальных изданий по коллаборационистским процессам именно в Калининской области. Здесь уже упоминались некоторые довольно-таки серьезные работы. Мне хочется особо отметить, что в 1998 году, то есть двадцать два года назад, защищена диссертация В.И. Ирлицина, которая охватывает более чем годовой период. Он попытался непредвзято исследовать коллаборационистские процессы, выявить социальный состав коллаборантов. Он указал на причины, которые вынудили местное население пойти на сотрудничество с оккупантами. В.И. Ирлицин делает довольно-таки смелый, с научной точки зрения, вывод, что коллаборационизм поразил советское общество во всем его вертикальном разрезе, что коллаборационисты – не низы общества и не бывшие дворяне. Он даже сделал вывод о том, что, несмотря

на то, что все слои общества были задействованы в коллаборационистских процессах, на путь сотрудничества с врагом встали как раз, в основном, рабочие и крестьяне. Он назвал одной из крупных причин сотрудничества советских граждан с оккупантами на территории области тоталитарную систему СССР, которая создавала новую шкалу ценностей для советских людей, когда вместо морали для определенной части населения действовал принцип целесообразности.

Мною были опубликованы работы, которые касаются коллаборационистских процессов на территории области, к тому же защищена диссертация на тему военно-политического коллаборационизма. Также издано несколько монографий, в частности, книга «Три года без Сталина», где Калининской области посвящено много материала. В своих работах я исследовал такие сферы коллаборационизма, как военно-политический и гражданский. Было выявлено, например, что по области действовало 11 добровольческих восточных батальонов, которые использовались почти исключительно для борьбы с партизанами. Как правильно сказал коллега, восточные батальоны не использовались против регулярной армии, т.е. воинские единицы, набранные из местного населения, разжиженные советскими военнопленными и каким-то количеством перебежчиков, не привлекались к военным действиям на фронтах. В то же время немцы были поставлены перед проблемой партизанского движения: как его минимизировать, как от него защититься. В существовавших геоклиматических условиях немцы проявили полную неспособность воевать против партизан. Для помощи в антипартизанской борьбе им понадобилось местное население. Позже по ряду причин эти батальоны, в основном из-за неустойчивости, были переброшены на Западный фронт, во Францию, в Голландию.

Что касается гражданского коллаборационизма, мною исследована структура русских органов местного самоуправления, а также коллаборационизм в различных сферах – общего и профессионального образования, здравоохранения, экономики, юриспруденции, социальной политики, религии, идеологии.

Заслуживают внимания попытки современных исследователей продолжить изучение отдельных аспектов коллаборационизма.

Так, А.В. Цветков взялся за тему пропагандистского противостояния в годы войны на территории Калининской области. Он опубликовал содержательную работу. Тема, поднятая А.В. Цветковым, довольно перспективна в плане обилия материалов по ней, с одной стороны, и ее малоизученностью – с другой. Хочется верить, что А.В. Цветков не остановится на достигнутом, продолжит начатое исследование.

Также следует отметить потенциал, имеющийся для исследования этой темы. В тверских документохранилищах содержатся обширные неопубликованные источники. Например, в Тверском центре документации новейшей истории – фонд 147 Калининского обкома ВКП(б), фонд 479 Штаба партизанского движения Калининского фронта. В Государственном архиве Тверской области находится ряд фондов, которые содержат документы местных органов самоуправления периода оккупации, например, Торопецкой горуправы, Староторопской сельской управы, управ различных городов области, которые освещают как гражданские, так и военные коллаборационистские процессы.

Что касается гражданских сфер коллаборационизма, эта тема также имеет огромные как перспективы, так и трудности. Например, среди трудностей исследования этой темы назову ситуацию с архивами. Как показывает мой опыт работы в архивах других областей, например, в Брянской, Орловской, Смоленской и других, то в последнее время фонды, которые ранее находились в открытом доступе, либо закрываются, либо переходят в архивы областных управлений Федеральной службы безопасности. Там меняют название фонда, нумерацию и название дела, в лучшем случае остается нумерацию листов. Когда какой-то исследователь обращается туда, то сотрудники ФСБ отвечают, что такого дела нет. И формально они оказываются правы. Таким образом, огромное количество источников оказывается «похороненными».

Еще одна проблема – негативное восприятие обществом, в частности, научным сообществом, а также широкими слоями населения любых попыток поколебать установившийся штамп о морально-политическом единстве советского народа в годы войны. Кто выявляет что-то противоположное, тот получает ярлык

«очернителя истории», к нему меняется отношение, его работы воспринимаются в штыки.

Тем не менее, исследовать коллаборационистские проявления крайне необходимо. Тем более, как уже отмечено, документохранилища Тверской области содержат официальные документы, причем, не немецкие, не коллаборационистские, а партизанского командования. В них не только говорится о фактах, которые стимулировали коллаборационистские настроения, но и анализируются причины становления населения на путь сотрудничества с оккупантами. После каждой вспышки коллаборационизма Штаб ПД старался провести расследование: почему такое произошло в том или ином районе. Приведем один такой эпизод. Деревни Столбово, Луги и Козлово Идрицкого района были сожжены партизанской бригадой Вараксова. У их жителей были нейтрально-нормальные отношения с советскими партизанами. Однако бригада Вараксова неизвестно на каком основании сделала вывод, что эти деревни являлись немецкими форпостами. Жители не были предупреждены, и в ночное время партизаны начали жечь эти деревни. Люди выскакивали из домов в одном белье, лишились скота, имущества. Штаб партизанского движения констатирует, что мужчины (около двух десятков) ушли в гарнизон села Мозули, там присоединились к полицейским формированиям, и теперь участвуют в облавах на партизан. Вот так нейтральные и даже доброжелательные отношения к партизанам превратились во враждебные и привели к вспышке коллаборационистских настроений. Таких фактов довольно-таки много. Если мы будем их игнорировать, то трудно будет понять настроения местного населения: почему они пошли на службу к оккупантам, какая часть населения влилась не в партизанское движение, а в коллаборационистские формирования.

Ряд моментов исследованы не достаточно полно: коллаборационизм в области юриспруденции, деятельность коллаборационистских органов охраны правопорядка, полиции, судов, или, как они назывались на территории области – мировые посреднические места, деятельность адвокатуры, нотариата. Правоохранительная деятельность занимала большой объем в работе

коллорационистов, так как уголовников находилось на оккупированных территориях более чем достаточно. Советская власть была заинтересована в эвакуации в советский тыл специалистов, квалифицированных рабочих, то есть тех, кто мог быть полезен для обеспечения нужд Красной армии, экономики в условиях военного времени. Уголовный элемент, который был бесполезен для советской власти, остался на оккупированных территориях, что привело к тому, что его процент в период оккупации был больше, чем до нее.

Простор для исследователей в том, чтобы, во-первых, проанализировать, как осуществлялась правоохранительная деятельность на оккупированных территориях, какие именно дела рассматривали русские суды, какие были основные типы преступлений, административных проступков, какие наказания накладывались, как работала уголовно-исполнительная система, по каким вопросам осуществлялось гражданское судопроизводство, какими были отношения юридических структур коллаборационистов и немецких властей. Ведь столкновения наверняка должны были происходить. Так, в инструкциях по мировым посредническим местам сказано, что русским судам неподсудны дела о немецких военнослужащих, о военнослужащих Русской освободительной армии (РОА), восточных батальонов, полицейских и так далее.

Что касается сфер школьного, профессионального образования, то пока имеются сведения о работе начальных, основных и средних образовательных школ. На оккупированных территориях открывались три вида средних специальных учебных заведений: медицинские, ремесленные и педагогические училища. Правда, далеко не все открывшиеся в оккупацию училища успели произвести выпуски. Интересен и такой пласт истории коллаборационизма: какими учебниками пользовались в школах в оккупацию? Мне, например, известен только один учебник – «Родной язык» А.Я. Флауме и М.И. Добротворского. Как строилась преподавание предметов идеологически нагруженных, таких, как, история? Ведь они входили в учебные программы. Это – трудности, это – те перспективы, которые имеет данная тематика.

Еще одна проблема – доступность, наличие, но распыленность и бессистемность местонахождения архивных документов. В качестве примера можно привести такой недостаточно исследованный момент, как духовная жизнь на оккупированных территориях. Происходившие в период оккупации религиозные коллаборационистские процессы даже породили метафору Второго Крещения Руси. Следует согласиться со М.В. Шкаровским, который утверждает, что никогда церковь в России не пользовалась такими широкими правами и свободами, как в период оккупации. Всего на оккупированной территории СССР на сентябрь 1943 года действовало около шести с половиной тысяч православных приходов, церкви евангельских христиан, баптистов и христиан веры евангельской были открыты в каждом райцентре, тогда как в довоенное время, по различным данным, на территории СССР осталось пятьсот действующих православных храмов, четыре дома молитвы баптистов, два католических костела. Каким образом исследовать эту важную проблему? Исследование как раз и осложняется распыленностью архивных документов. Совет по делам религиозных культов, который следил за религиозными объединениями в СССР, был создан только в 1944 году. Все документы, касающиеся деятельности церквей в период оккупации, распылены по различным фондам. Приходится перебрать десятки, а то и сотни различных дел, чтобы найти необходимые документы.

Таким образом, тема советского коллаборационизма малоисследованная, но игнорировать её нельзя, потому что она является составной частью истории Великой Отечественной войны. Тут историк должен иметь научную смелость. В заключение хочется немного перефразировать слова одного из героев художественного фильма: «Ученый, который берется за эту тему, должен быть немножко ненормальным, чокнутым, не понимать того, что понимают нормальные люди. Он должен руководствоваться принципом, что дважды два – четыре, может быть аксиомой только для школьников». Историк должен не бояться общественного осуждающего мнения, как орел взирать на события, независимо от того, какой факт ему хочется любовно прижать к сердцу, а какой – брезгливо клюнуть.

Реплика: – Рассказывая о действиях бригады Вараксова о сожжении нескольких деревень, Вы приводите один документ и игнорируете другой. Есть данные, что проводивший проверку представитель штаба партизанского движения на Калининском фронте был в ссоре с Вараксовым, поэтому и подготовил такой рапорт о сожжении трех деревень.

Ермолов И.Г.: – В каких именно документах отражена эта ссора и чем подтверждается необъективность проводившего проверку капитана Дороша? Мне такие данные неизвестны, спрашивающий также на них не ссылается. Я же руководствуюсь официальным документом. Это рапорт, в нем отражен факт, есть ссылка на этот источник: Тверской центр документации новейшей истории, фонд 479, опись 1, дело 583, листы 14—15.

Вопрос: – Были ли какие-нибудь особенности коллаборационизма в любой сфере в нашей области, каких не было в соседних, например, областях?

Ермолов И.Г.: – На сегодняшний день я не вижу таких уж резких особенностей по сравнению с другими областями, например, Смоленской, Брянской (тогда она входила в Орловскую), которые выделяли бы Калининскую область. В Калининской области шло по обычной схеме: пропаганда ничем не отличалась от пропаганды, которая была на других территориях, школьное образование осуществлялось практически по тем же программам. Разве что был уклон в сторону изучения немецкого языка, в сторону изучения биологии, в ходе изучения которой учителя делали упор на изучение тех животных, с которыми приходится иметь дело в сельском хозяйстве. В школьную программу входил минимум предметов идеологически нагруженных. К вопросу об особенностях политической жизни в области: В. И. Ирлицин упомянул национал-социалистическое рабочее движение, которое существовало в Калининине. Я сослался на этот факт. Владимир Иванович ссылается на конкретный фонд, на конкретное дело и лист Архива управления Федеральной службы безопасности. У меня нет сведений, что

деятельность этого движения продолжилась после освобождения Калининна.

Вопрос: – Сейчас по телевидению активно обсуждают вопрос об установке в Праге памятника Власову. Следовательно, есть идейные последователи коллаборационистов, продолжатели их дела за рубежом. Отдельные лица «сваливают все в одну кучу»: раз ты это изучаешь, значит, ты это поддерживаешь. То, что за границей есть идейные продолжатели коллаборационистов, никто не сомневается. А есть подобное у нас?

И.Г. Ермолов: – Этот вопрос уходит за рамки истории, ведь история – это объективная реальность, ушедшая в прошлое. Вопрос о существовании в наши дни последователей коллаборационистов – это уже не история. Думаю, что есть! Эпизод с установкой памятника в Праге Власову, ежегодные акции церковной службы на Ольшанском кладбище в Праге, где находятся могилы власовцев, погибших при освобождении Праги привлекают определенное количество людей. Это нельзя отрицать! Сейчас, к сожалению, есть историки, которые издают свои труды, пытаются, как в начале девяностых годов, указать, что власовское движение являлось исключительно идейным русским освободительным движением. В исследовательской литературе можно найти статистику – столько-то процентов было убежденных людей, столько-то загнали туда насильно, столько-то было безразличных. Например, доктор исторических наук А.В. Окорочков опубликовал данные о том, что в батальонах РОА было всего около 20 процентов убежденных антикоммунистов. Но неясен механизм такого подсчета.

Вопрос: – Имеются ли данные о том, куда попали коллаборационисты после ареста, на какие стройки коммунизма, где их было особенно много? Они же восстанавливали хозяйство! В большой степени страна должна быть благодарна им, что они восстановили послевоенное хозяйство, в металлургии, в рудниках, в шахтах, на лесоповале.

И.Г. Ермолов: – То есть в ходе отбывания наказания, которое назначалось в административном порядке? Это уже выходит за хронологические рамки моих исследований, поэтому я именно этим вопросом не занимался. В беседах с Р.Н. Редлихом и преподавателем офицерской Дабендорфской офицерской школы РОА Ю.Н. Амосовым мы касались этого вопроса. В некоторых регионах административно арестованным власовцам ставили условие: если вы выполните какой-то план, допустим, по строительству какой-то шахты, по строительству какого-то завода, по восстановлению какого-то объекта, то вы вместо десяти лет отсидите всего восемь. И многие, в частности, брянские коллаборационисты старались, многие возвратились домой именно по прошествии восьмилетнего срока заключения.

Леонтьева О.Г., доцент кафедры архивоведения, историографии и документоведения Тверского государственного университета, кандидат исторических наук. *Военная история края (1941—1945 годов) как объект внимания молодых исследователей.*

– Исследования по военной тематике в последние два-три года, несмотря на огромную волну внимания к событиям Великой Отечественной войны со стороны общества и государства, ограничиваются, в основном, изучением отдельных фактов, отдельных личностей, что находит отражение в докладах и сообщениях на конференциях, посвященных определенным значимым датам и знаковым мероприятиям. Общая тенденция проявляется в том, что доклады на такие мероприятия готовятся на основе уже изданной литературы и опубликованных источников. Таким образом, круг источников не расширяется за счет ввода новых, исследования базируются на уже хорошо изученной источниковой базе.

Расширение исследовательской базы желательно как за счет публикации новых архивных документов из российских архивов, так и за счет привлечения доступных источников из немецких архивов. В обоих случаях возникают сложности с доступом к архивной информации. В отношении российских источников это связано с физическим доступом к документам: выявление новой информации идет достаточно медленно, архивные документы

о Великой Отечественной войне в основном сосредоточены в федеральных архивах, расположенных в Москве. Использование сведений немецких архивов ограничивается как их удаленностью, так и языковым барьером. В этой связи, конечно, особое значение приобретает местный материал, документы региональных архивов, но, к сожалению, местный материал используется довольно редко, главным образом, для изучения отдельных эпизодов Великой войны, связанных с локальной историей. Представление такой информации опять же ограничивается конференциями, школьными уроками, то есть достаточно узкой аудиторией.

Научные исследования, подготовленные на местном материале и оформленные в виде выпускных квалификационных работ бакалавров или магистерских диссертаций, встречаются довольно таки редко. Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук еще реже.

Количество обращений в государственные архивы Тверской области с целью изучения документов о Великой Отечественной войне, например, за 2019 год, можно определить как незначительное. Конечно, надо отметить, что архивы не ведут специального мониторинга исследовательских тем (такой мониторинг начал проводиться только с января 2020 года), но учетные документы позволяют составить общую картину. В Государственном архиве Тверской области (ГАТО) в 2019 году по военной тематике работали всего три исследователя, за исключением самих архивистов, готовящихся к мероприятиям нынешнего года и обнародовавших результаты своих поисков, например, на Круглом столе в феврале 2020 года. Круглый стол был посвящен вопросам комплектования и использования документов личных фондов участников Великой Отечественной войны 1941—1945 года, мероприятие проводилось совместно с Государственным архивом Московской области. Это был скорее обмен мнениями о методах работы, составе и содержании архивных документов, чем о результатах изучения исторических событий.

В Тверском центре документации новейшей истории (ТЦДНИ) сложилась более оптимистичная ситуация. В 2018—2019 годах по темам Великой Отечественной войны здесь работали 14 человек,

из них только троих можно отнести к молодым исследователям. Один из пользователей изучал материал о воинских захоронениях с целью организации работы поисковых отрядов. Две студентки кафедры архивоведения, историографии и документоведения Тверского государственного университета (ТвГУ) собирали материал для курсовых работ, но исследования велись о фондах, их информационной значимости, а не о военных событиях. В частности, были проанализированы содержание и структура личных фондов партизан и коллекции фонодокументов, содержащих воспоминания о блокадном Ленинграде.

В 2020 году ситуация оживилась: с января до середины марта для подготовки докладов, статей, сообщений и курсовых работ архивные материалы изучали 11 исследователей из 40 человек, посетивших читальный зал архива. Пять человек; это – студенты ТвГУ и Тверского филиала Российской государственной академии народного хозяйства и государственной службы. Следует также отметить, что часть посетителей ищет информацию о своих родственниках, относящуюся к периоду Великой Отечественной войны, поэтому такую категорию пользователей также можно учитывать при проведении мониторинга как изучающую события военных лет.

В целом, ситуация с проведением серьезных научных исследований студентами и аспирантами по тематике Великой Отечественной войны не оптимистична. Разумеется, имеются несколько причин такого положения. Назовем две. Во-первых, военная история не является приоритетным направлением в научных исследованиях ТвГУ. Это выражается в отсутствии магистерских программ и соответствующих специалистов, то есть специалистов, чьи научные интересы лежат в сфере военной истории. Во-вторых, источниковая база для проведения научных исследований является, как ни странно это выглядит, ограниченной в отношении содержания и доступности источников, то есть архивных документов.

По истории Великой Отечественной войны написаны множество исследований и в научный оборот введено большое число документальных материалов. Исследователям, вновь приступившим

к разработке тем в этой области, нужно, как уже указывалось, или по-новому комментировать имеющиеся источники, или искать новые. Основными поставщиками информации остаются архивы, в первую очередь государственные архивы. Подавляющее большинство документов о войне, как отмечалось, сосредоточено в федеральных архивах – Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военно-исторический, Центральный архив МО и другие. Работа в федеральных архивах практически недоступна студентам, поскольку на удаленном доступе находится только научно-справочный аппарат (описи документов), при этом значительная часть описей представлена не в виде баз данных, а в виде файлов PDF. Поиск информации сложен, а доступ к документам тем более. Необходимо хорошее финансовое обеспечение для сбора информации. В результате очень часто в студенческих работах мы встречаемся с прикидной и пристающей библиографией, то есть с использованием чужих ссылок на источники. В такой ситуации выход видится в обращении к региональным архивам и использовании локальных источников.

Что же могут предложить тверские архивы? Путеводитель по фондам ГАТО содержит раздел «Фонды учреждений, связанных с оккупацией территории области в годы Великой Отечественной войны», который содержит информацию о шести фондах.

В первую очередь следует указать два фонда, сформированных из документов комиссий, проводивших расследования злодеяний немецко-фашистских войск на территории Калининской области:

1. Калининская областная комиссия содействия в работе чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. 1943—1953 гг. (Ф. Р-1925).

2. Коллекция документальных материалов о зверствах и ущербе, причиненных в период немецко-фашистской оккупации районов Калининской области. 1942—1943 гг. (Ф. Р-1928).

Оба фонда насчитывают 30 дел за 1941—1945 годы. Составляют фонды, главным образом, акты об ущербе, нанесенном немецко-

фашистскими захватчиками, сообщения комиссий о фактах нанесения ущерба, протоколы допросов и рассказы очевидцев о злодеяниях фашистов. Среди документов фондов имеются сведения о массовых расстрелах, сожжении местных жителей и военнопленных, списки убитых и отправленных в Германию. В фондах сохранились документы (копии) оккупационных властей – рапорты полиции, рапорты старост, списки сотрудников охраны.

Состав документов представляет несомненный интерес для исследователей, поскольку в широкий научный оборот данные документы не введены, также сохранились свидетельства другой стороны, но объем документов, естественно, не позволяет делать глобальные выводы, исследователь вновь сталкивается с отдельными эпизодами, лишь дополняющими общую картину.

Три фонда, объединенные в одну группу, содержат интересную информацию об органах местного управления, созданных немецко-фашистскими властями в период временной оккупации районов Калининской области:

1. Торопецкая местная комендатура периода немецко-фашистской оккупации (Ф. Р-2757);
2. Торопецкое городское управление периода немецко-фашистской оккупации (Ф. Р-2758);
3. Старо-Торопецкая сельская управа периода немецко-фашистской оккупации (Ф. Р-2759).

Всего сформировано 24 дела с документами за 1941—1942 годы. Исследователи могут ознакомиться с актами обысков, проводимых оккупационными властями, документами о расквартировании немецких частей, сведениями по учету населения, списками советских граждан, направляемых на работу в Германию. В фондах отложились письма немецких солдат, записные книжки, блокноты.

Разумеется, частично информация о периоде войны представлена в других фондах, в первую очередь, фондах органов государственной власти.

В целом, информации не так мало, но документы не образуют единого комплекса, прослеживается коллекционный принцип формирования фондов. В то же время для тематической

коллекции информация недостаточно единообразна и объемна. Эти документы подтверждают отдельные факты, причем регионального уровня и требуют обращения к другим архивным материалам и историческим источникам.

В ТЦДНИ сложилась приблизительно такая же картина. Наиболее активно исследователи работают с документами Штаба партизанского движения Калининской области (Ф. 479). В фонде собраны документы за 1941—1944 годы в объеме 2044 дел. Документы содержат информацию о действиях партизанских отрядов на территории Калининской, Псковской и Смоленской областей. В документах также нашла отражение информация о быте партизан. Сохранились в фонде и трофейные немецкие документы.

Документы о событиях военного времени на территории Калининской области сохранились также в фондах партийных органов и организаций (органов ВКП(б)).

Особую группу в обоих архивах составляют документы личных фондов участников Великой Отечественной войны. Документы личного происхождения – особая категория исторических источников, вызывавшая немало дискуссий в недалеком прошлом. Изучение такого сложного, многостороннего и разноаспектного события как война невозможно без свидетельств очевидцев. На хранение в государственных и муниципальных архивах Тверской области находится около 100 личных фондов участников Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Фонды, как правило, включают личные документы, письма времен войны, военные дневники, воспоминания, военные фотографии. По объему фонды невелики и документов о послевоенной жизни фондообразователей, как правило, больше, чем о военном периоде в их жизни.

Особенность информации о Великой Отечественной войне заключается в том, что она рассредоточена по разным фондам и документам, надо научиться ее собирать. Например, в ГАТО создана коллекция из писем-запросов, поступивших в архив в связи с пенсионными реформами. Письма содержат не только просьбы о выдаче архивных справок, подтверждающих трудовой стаж в военные годы, но и описание условий работы и быта в тылу во

время войны. Свидетельства такого рода представляют целый документный комплекс и чрезвычайно важны для восстановления картины жизни в тылу.

Таким образом, для документного комплекса тверских государственных архивов о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, в целом, характерны незначительные объемы, фактическое отсутствие сведений о военных (боевых) действиях, четко выраженная локальность (информация ограничена территорией Калининской области) и фрагментарность информации (имеется информация об отдельных эпизодах, не связанных логически в одну картину). Кроме того, требуется достаточно большая работа по выявлению и введению в научный оборот новых источников, новых архивных документов и обеспечению доступа к этим источникам в виде создания доступных поисковых систем.

Подводя итог и прогнозируя будущее можно сказать, что исследования по военной истории среди молодых исследователей еще достаточно длительное время будут ограничиваться исследованиями уровня научного доклада и курсовых работ.

М.В. Фоменко: – Могу добавить, что ситуация на истфаке МГУ принципиально не отличается от ситуации на региональных истфаках. Только в прошлом году там была открыта магистерская программа по военной истории. До этого военной историей XX века практически никто толком не занимался. Это общая ситуация для классических исторических факультетов.

С.А. Герасимова: – Из сказанного следует вывод о том, что высшее образование, даже государственное, находится в стороне от огромной пропагандистской работы государства, направленной на пропаганду истории, памяти о войне, на воспитание патриотизма.

Выступления слушателей

М.Д. Хетчиков, председатель Тверского регионального научно-исторического центра, доктор военных наук.

– Во-первых, спасибо тем, кто инициировал такой Круглый стол. Его тема очень обширная и, на мой взгляд, своевременная! Второе: объектом исследования является война – многогранное явление, и я получил истинное удовольствие, послушав подавляющее большинство выступлений. С удовольствием узнал новое, пополнил свои знания.

Здесь звучало, что каждый должен заниматься своим делом! У историков, как и у военных, есть специализация. Но нельзя стать военным, не изучив глубокую историю военного искусства. Собираание фактов, конечно, вещь нужная, но нужно иметь профессиональное знание, чтобы эти факты переварить и представить, а поскольку один из основных методов военной истории – это реконструкция боев, сражений, операций, то, как можно реконструировать операцию, если ты не понимаешь, что это такое?

Сегодня поднимались вопросы увековечения. Иногда оно бывает неполное. Например, в рассказе о боях за Тверецкий мост говорят о лейтенанте Кацитадзе. Но там были также пехотинцы Букшенко, Башкатов. Они тоже были награждены орденами за эти бои. О них говорят меньше.

Ещё одна проблема: известно, что в ходе войны менялись территориальные границы области. Изучать историю Калининской области следует в старых границах. Свести, например, боевые действия к современной территории – это попытка фальсификации.

Закончить свое выступление хочу предложением объединиться и написать хороший труд по истории региона в годы войны!

П.Д. Малыгин, кандидат исторических наук.

– Я пишу книгу, которая называется «Восемь столетий Зубцова и Ржева». Среди восьми столетий есть и двадцатое столетие. С историей Зубцова понятно. Это выдающийся город с великолеп-

ной и интереснейшей историей! И военной в том числе, незаслуженно обделенной некоторыми званиями. С Ржевом труднее. Горы литературы, огромное количество роликов в Интернете, даже по новейшей истории. Эта гора полна несуразностей и ошибок.

Два момента хотелось бы озвучить. Первый: надо признаться, к сожалению, «ржевская тема» Великой Отечественной войны по рукам и ногам повязана штампованной формулировкой президентского указа «О награждении городов воинской славы», потому что формулировка «защитники города» к Ржеву никак не подходит. Такое ощущение, что референты Президента были уверены, что все города нашего Отечества оказывали сопротивление при захвате городов немецкими солдатами. Это совершенно не подходит и неуместно к Ржеву. И мы знаем, кто был защитниками в течение с января 42-го по март 43-го. Даже если окунемся чуть-чуть в историю, то и там проблемы! Есть четыре эпизода в истории Ржева, которые связаны с военной судьбой этого города. 1216 год: сын Всеволода Большое Гнездо воюет с переяславльским князем. В 1386 году серпуховской князь Владимир идет на Ржев, а там сидят литовцы, в 1445-м во Ржеве сидят москвичи, а Борис Александрович Тверской идет на Ржев. Не является все это борьбой за Отечество! А в указе такая формулировка!

Второе – это историко-географическая вещь: формулировка «подо Ржевом» или «под Ржевом». Например, в статье «Танковая битва подо Ржевом» речь идет о Зубцове, Сычевке, Вазузе, приведены приказы «завладеть городом Ржев и Зубцов», но все это называется «подо Ржевом». В газете «Тверская жизнь» рассказывалось о подъеме самолета под Погорелым Городищем. Написано, что самолет поднят подо Ржевом. Артист М. Ефремов говорил по радио, что его родственник генерал Ефремов был окружен подо Ржевом, а не под Вязьмой. Историк Исаев говорил, что город Сухиничи Калужской области находится подо Ржевом. Один шаг до того, чтобы сказать: «Москва находится подо Ржевом!» Есть административно-географические правила, которые никак нельзя нарушать: не может один райцентр находиться под другим райцентром.

С.А. Герасимова: – О ситуации с текстом указа знают высокопоставленные лица вплоть до представителя Президента по

Центральному федеральному округу, знают в Совете Безопасности РФ, в Министерстве обороны, в Комитете Победы, в областном правительстве. Ответы из Комитета Победы: «Менять текст указа нецелесообразно». Вопрос следующий, который Вы задавали: всё сводится к Ржеву. Дело в том, что Ржев стал символом большой битвы в районе Ржевско-Вяземского выступа, которая не признана официальной наукой. Сегодня наблюдается попытка все бои здесь свести к одному городу, а не распылять на весь плацдарм, на весь этот выступ и вообще исключить понятие битвы.

П.Д. Малыгин: – У нас есть один символ: «Я убит подо Ржевом и наш ли Ржев, наконец?» Это великое стихотворение Твардовского.

Л.С. Романова, сотрудник краеведческого информационного центра библиотеки им. Горького.

– Тверское библиотечное общество в том году выиграло президентский грант с проектом «Непереизданная история подвига советского солдата на страницах газет Тверского региона 1941—1945 годов». Проект этот направлен на сохранение газет как областных, так и районных, среди которых «Пролетарская правда», «Путь Ленина», «Ржевская правда» и другие. Сейчас у нас ведутся работы в Российской государственной библиотеке по стабилизации этих газет, так как бумага обладает высокой кислотностью и за более чем полувековое использование газеты, к сожалению, пришли в негодность. В рамках этого проекта мы пытаемся организовать как и экскурсии, так и лекционные занятия для школьников и студентов нашего региона, в том числе с проведением прямых трансляций. Некоторые участники, и слушатели нашего Круглого стола откликнулись на просьбу о методической, информационной помощи. Пользуясь возможностью, я хочу пригласить широкий круг и профессиональных исследователей, и любителей присоединиться к нашему проекту и максимально помочь нам в его организации. Можно будет обратиться в краеведческий информационный центр областной библиотеки за подробной информацией.

И.А. Власов, краевед.

– Тема оккупации касается меня лично: часть моих родственников ушла от оккупации, а часть осталась. Есть ли данные о преступлениях коллаборационистов на территории города Калинина. В чем сущность преступлений, как они за два месяца успели совершить преступления в сотрудничестве с немцами?

В.П. Суворов: – В ТЦДНИ есть дела арестованных по этой статье. Например, комендант дома. Она выдала партизана, который при аресте был убит немцами. Её расстреляли после освобождения города. Ольгу Баранову выдала соседка. Было много фактов предательства. До сих пор есть версия, что молодежную группу средней школы № 16 на набережной С. Разина выдала соседка. Но, как оказалось, она не имела к этому отношения. При оккупации в каждом доме был комендант, он должен был сообщать, кто член комсомола, член партии. Потом их выявляли.

И.Г. Ермолов: – Что называть преступлением коллаборационистов? Допустим, выдача партизана – это явно, бесспорно. Но если человек работает старостой или волостным старшиной, главой района или просто на заводе в мастерской, врачом, учителем, фельдшером, дворником, наконец! По советским меркам, он сотрудничает с оккупантами. Советская власть разрешала без боязни подвергнуться репрессиям: умереть с голоду, быть замученным, расстрелянным, бороться в рядах партизан или советского подполья. У кого не хватило сил умереть (допустим, поступил на должность старосты), то уже является преступником. Довольно много людей на территории области работали именно так. Ни одно место старосты не оставалось вакантным. Где-то старост избирали, где-то их назначали, где-то это происходило в добровольно-принудительном порядке. И люди работали.

Интересные факты о тех, кто работал на немцев гражданской сфере. В течение пяти лет после освобождения, с 1943-го по 1948 годы, эти люди не только работали (в том числе по Калининской области), но и получали некоторое продвижение по службе. Допустим, до войны человек работал бригадиром в колхозе, во время войны –

старостой, после оккупации и после войны он уже – председатель сельсовета. Или: до войны учитель, во время войны директор школы, после войны – заведующий районным отделом народного образования. Существовала острая проблема кадров. Пусть он антисоветчик, пусть он сотрудничал с немцами, но сейчас не до политики, сейчас надо хлеб выращивать, промышленность поднимать, сферу образования. Пусть он пять лет поработает, а потом мы с ним разберемся! Правда, из партии исключали. С 1948 года стали разбираться. До этого арестовывали, подвергали репрессиям только полицейских, бойцов коллаборационистских формирований и так далее.

М.В. Фоменко: – Ремарка относительно города Калинина. Город находился на линии фронта, и сравнивать его с тыловыми, длительно оккупированными районами, – с Белоруссией и даже со Смоленском – нельзя. Немцы в Калинин остро нуждались в строительстве оборонительных рубежей. Расстреливать всех подряд практической надобности не было. Была потребность привлечь людей к строительству, в том числе военнопленных. Документы 27-го армейского корпуса показывают: была даже шкала оплаты за работу местного населения на строительстве оборонительных сооружений.

А.В. Цветков: – Отношение советской власти к факту коллаборационизма менялось. Это прослеживается и в листовках партизан, потом и в литературе. Были старосты, которые пошли на службу к немцам из желания помочь своим соотечественникам, были старосты, которые пришли к немцам и помогали партизанам. Такие могут встречать освободителей с гордо поднятой головой, они выполнили свой долг. То есть не каждый факт сотрудничества с оккупантами обязательно рассматривался как факт предательства.

Герасимова С.А.: – Подведем итоги работы Круглого стола, обобщим то, о чем говорилось во время его работы.

Круглый стол «Калининская область в годы Великой Отечественной войны: три тяжелых года – 75 лет изучения»

проводится накануне празднования 75-летнего юбилея победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Его цель – подведение итогов изучения региональной военной истории 1941—1945 годов за прошедшие после войны годы. Перед участниками Круглого стола были поставлены задачи: выяснить степень изученности различных проблем военной истории края (1941—1945 годы), выявить темы, оказавшиеся вне поля зрения исследователей, определить перспективы дальнейшего профессионального исследования истории региона в годы войны. Необходимость такого мероприятия диктуется как озабоченностью недостаточным вниманием в последнее двадцатилетие профессиональных историков к региональной военной тематике 1941—1945 годов, преобладанием среди изданий по теме работ любителей, так и практической потребностью новых серьезных научных исследований как базы современных музейных экспозиций.

Прежде всего, участники Круглого стола, констатируют наличие в регионе очень небольшого числа профессиональных исследователей, в сферу интересов которых входят, так или иначе, вопросы военной истории края 1941—1945 годов.

Результаты работы Круглого стола свидетельствуют о фрагментарности изучения рассматриваемой темы, демонстрируют неполноту освещения целого ряда её сторон и аспектов, а иногда и полное отсутствие внимания к некоторым вопросам региональной военной истории. В частности, по направлениям выступлений участников Круглого стола ситуация выглядит следующим образом:

– имеющиеся исследования о военных действиях на территории области позволяют составить представление о том, какие бои, сражения, операции разворачивались на её современной территории, но множество отдельных боевых эпизодов не изучены и не освещены. Например, даже в истории боев за областной центр, которая, казалось бы, изучена достаточно полно, отсутствует понимание того, что происходило на южных окраинах города Калинина 14—15 октября 1941 года, когда в город входили немецкие войска;

– изученность партизанского и подпольного движения на территории области остается на уровне советского периода. Современные научные исследования проблемы отсутствуют;

– существуют лишь единичные исследования, которые рассматривают политику партийных и советских органов власти в годы войны, преодолевая свойственную трудам советского периода односторонность;

– биографика представлена в регионе на неплохом уровне. Есть работы о земляках – Героях Советского Союза, кавалерах орденов Славы, Героях Социалистического Труда, в том числе, военного времени, отдельных военачальниках-земляках и военачальниках, воевавших на территории региона, некоторых партийных и советских руководителей, командирах партизанских бригад и отрядов, но этого явно недостаточно;

– научные исследования по вопросам жизни гражданского населения проводятся в регионе, но в крайне ограниченном количестве. Вне поля зрения исследователей остались вопросы организации эвакуации, проведения оборонных работ, продовольственного снабжения, работы здравоохранения, образования, помощи семьям военнослужащих, использования труда подростков;

– тема коллаборационизма продолжает оставаться очень болезненной. Коллаборационистские процессы в регионе рассматривались, но, в основном, на территории западных районов области, которые сегодня не входят в состав региона. Из районов области в современных границах в некоторой степени освещались вопросы сотрудничества с оккупантами только в Торопецком районе. Подобные процессы на других территориях не исследованы, в том числе, в Калинин, Ржеве.

Целый ряд аспектов жизни края в годы войны не был затронут во время работы Круглого стола, что говорит о дефиците научных исследований по ним. Например, остро ощущается необходимость серьезных статистических исследований. Так, точно неизвестно, какой ущерб нанесла нашему краю война, неизвестно даже, сколько точно населенных пунктов исчезло в военные годы. До 1995 года были закрыты материалы Областной комиссии

содействию Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению преступлений фашистов. В результате статистика преступлений оккупантов против гражданского населения области была известна с 1945 года, а цифры по Калинин, например, появились только в 1970-е годы, да и то без указания источников. Будем надеяться, что готовящийся в регионе труд по общероссийскому проекту «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» закроет этот пробел. Отсутствуют статистические исследования, связанные с вопросами практического увековечения воевавших и погибших в годы войны: например, неизвестно число жителей области, призванных в армию накануне войны и не увековеченных в региональной Книге Памяти. Существующая практика свидетельствует о необходимости привлечения профессионалов к устранению существующих неточностей при учете погибших на территории области, что приводит к их повторению. Так, на новом Мемориале в Ржеве написаны искаженные фамилии погибших. Для решения таких вопросов нужно восстановить работу редакции региональной Книги Памяти.

Изложенные факты говорят о необходимости дальнейших серьезных научных исследований практически по всем направлениям военной истории края, тем более, что региональные архивы имеют большой пласт нетронутых документальных источников. К материалам федеральных архивов, в частности, ЦАМО, в наше время существует доступ через Интернет-ресурсы. Но участники Круглого стола единодушно высказывают особую озабоченность отсутствием интереса к теме у молодых профессиональных историков. Материалы Круглого стола свидетельствует о том, что продолжать научное исследование военной истории края в регионе некому. Внимание к теме молодых исследователей остается на уровне сообщений, докладов, курсовых и редких квалификационных работ. При активной государственной политике воспитания патриотизма такая ситуация вызывает недоумение. Возможно, причинами этого является закрытость многих архивных фондов, хотя прошло уже 75 лет со времени окончания войны, критика

авторов, пытающихся исследовать «неудобные» темы. Также следует отметить тот факт, что современная система высшего исторического образования не способствует глубокому профессиональному изучению вопросов военной истории.

Таким образом, хотя в изучении истории региона 1941—1945 годов сделано немало, остается масса лакун, пробелов. К сожалению, перспективы дальнейших научных исследований в этом направлении далеко не оптимистичны.

Участники Круглого стола заявили о необходимости регулярных встреч профессиональных историков по проблематике Великой Отечественной войны с одной ведущей конкретной темой и фоновым обсуждением ряда других вопросов на базе Музея Калининского фронта

КАЛИНИНСКАЯ ОБЛАСТЬ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ТРИ ТЯЖЕЛЫХ ГОДА – 75 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ.

Материалы Круглого стола
в Музее Калининского фронта. 2019 год.

Составитель: *С.А. Герасимова.*

Ответственный за выпуск: *Е.В. Вартанова*

Компьютерная верстка: *Л.Н. Дворцова.*

Тверской государственный объединенный музей

Адрес : 170100, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.

Тел.: (4822) 32-36-94, факс: (4822) 34-37-90.

e-mail: tgom@tvcom.ru.